П.349
П 29
34

ПИОНЕР

3

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 3

Февраль 1935

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ.
Адрес ред.: ул. Горького, 8. Тел. 5-60-76.

ЗИМНИЙ ПРАЗДНИК ФИЗКУЛЬТУРЫ

Прыжки на лыжах с трамплина на зимнем пионерском празднике физкультуры.

Ваня Гуляев из Перми, лыжник-прыгун, готовится к прыжку. За лучший прыжок Ваня получил премию—лыжи, костюм и пальто.

На зимний праздник приехали лучшие пионеры-физкультурники со всего Союза. Ребята соревновались в беге на лыжах и коньках, по стрельбе, прыжкам и игре в хоккей.

По стрельбе первое место заняла команда Москвы. По лыжам первое место заняли ребята Архангельска. Валя Чистякова вышла на первое место по конькам в забеге девочек. Лучшие конькобежцы—Ветошкин (Горький), Ипполитов (Москва), Тюрин (Москва). Лучший лыжник-прыгун—Ваня Гуляев (Пермь). По игре в хоккей на первом месте Москва.

Ленинские горы во время состязания по прыжкам с трамплина на лыжах.

Т.349
П 29
34

„Трубачи 1-й конной армии". С картины художника М. Грекова.

Г.П.Б. в Лнгр.
1957 г.
Акт. № 36

С. М. БУДЕННЫЙ

БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ

1

Троцкий не переносил конную армию. Его отношение к ней все время было такое, как будто он хотел сказать: «Чего это мужичье в лаптях сует свое рыло в калашный ряд?»

Партия, Ленин, Сталин создали стратегическую конницу. Первый эскадрон, собранный в Сальских степях, как снежный ком обрастал красными конниками, стал сначала полком, бригадой, потом дивизией, корпусом и, наконец, армией. Конный корпус был основан Сталиным и Ворошиловым — Реввоенсоветом 10-й армии.

Когда 10-я армия дралась у Царицына [1], наш конный корпус прикрывал ее, сражаясь с тремя корпусами белой конницы под командой генералов Покровского, Улагая и Шатилова.

Многие спрашивали: как мы били белых, почему один красный конный корпус справлялся с тремя белыми корпусами?

Потому, что мы меняли тактику находу.

Простой пример. Обычно противника ожидают с рассветом. Мы же часто высылали серию разведок ночью, иногда с трубачами, как будто сейчас же начинается наступление. Всю ночь мы беспокоим противника налетами. На рассвете затихаем. Белые возвращаются, ложатся спать днем. Здесь мы разворачиваемся и неожиданно атакуем противника. Генералы даже жаловались: «Вот, мол, какую тактику взял Буденный: все нападают на рассвете, а он — то в обед, а то и посреди ночи».

Помню один случай, когда был захвачен полковник Золотарев, я тогда еще командовал эскадроном. Он расположил войска на позиции, а сам находился в хуторе Золотаревском. Мы были от него километрах в 80. Захотелось мне взять его в плен и привезти к себе. Мы обошли позицию противника по флангам, заходим в Золотаревскую часа в 3 ночи. Я спрашиваю: «Где здесь командир?» Говорят, что у попа в доме ночует. Захожу во двор. Никакой охраны нет. Стучусь. Женский голос спрашивает, что мне нужно. Говорю:

— Срочно откройте, к полковнику с донесением.

Дверь открывается. Захожу в дом. Золотарев спит. Он поднимается в одной рубахе, зажигает огонь. Я ему говорю.

— Ну, одевайся. В плен попал.

Золотарев не верит.

— Не может быть! — говорит он.

— Одевайся, нечего разговаривать. Я — Буденный.

— Как же это случилось? По моим расчетам вы же за 80 километров находитесь? Я же все рассчитал, как вы могли попасть? Это же неправильно! Это ни по какой тактике не выходит!

— Что же,—говорю,—ты хочешь, чтобы я заново к тебе заходил, чтобы по правилам было?

Золотарев не мог успокоиться.

— У меня же фронт стоит,— говорил он,— ведь вы же от меня в двух переходах. Это же неправильно!— убеждал Золотарев, как бы спрашивая, не есть ли это сон.

2

Как раз в эти дни генерал Мамонтов начал свой первый рейд, он зашел нам в тыл и громил Козлов, Тамбов, Грязи. Наш Первый конный корпус получил приказ командования: найти Мамонтова и разбить его.

Как это сделать?

Мамонтов ходит где-то в 400 километрах; где имен-

[1] Ныне Сталинград.

но, никто не знает. Но раз приказ дан — надо его выполнять!

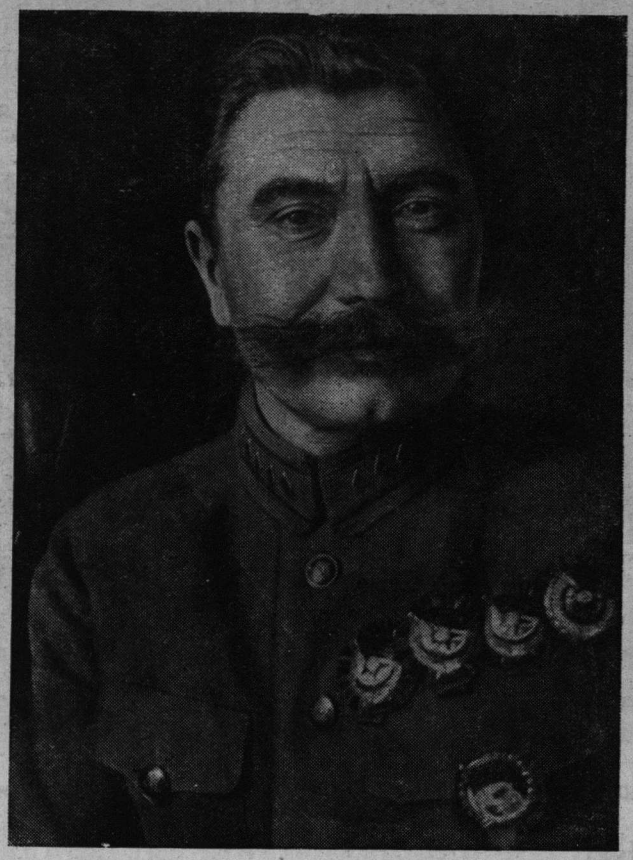
Двинулись искать Мамонтова... С ним я встречался еще раньше. Мы дрались и били Мамонтова под Царицыном, под Ольховкой и под Дубовкой.

По пути к Мамонтову мы встретились с корпусом Миронова, изменившего Красной армии и об'явленного правительством вне закона. На хуторе Чапыженском, около станицы Анненской, мы обезоружили этот корпус.

Идем дальше.

Но где искать Мамонтова?

Идем вдоль фронта 9-й армии, в тылу, в районе Калача, Воронежской губернии. У села Воробьева встречаем бегущие наши обозы. Пыль столбом, мелькают колеса, на дороге валяются брошенные телеги, скачут верховые с обрезанными постромками. Оказывается: это бежит наша бригада из 56-й дивизии, которая потерпела поражение. Я разворачиваю наши части и иду в атаку против дивизии Савельева из четырех полков конницы. Разгромив конницу, мы нарвались на белую пехоту. Здесь были расположены два полка, один из них назывался императорским и был составлен из офицеров, которые дрались до последнего. Раненые поддерживали друг друга и отстреливались. Мы уничтожили пехоту, забрали около 3000 подвод обоза. 1700 человек было зарублено, и только несколько десятков сумело убежать.



Семен Михайлович Буденный.

3

Ищем Мамонтова...

А Мамонтов присоединился к своему фронту, передохнул, набрал силы и двинулся во второй рейд. Это было 22 сентября 1919 года. Он вышел к станции Таловая. Тут и получилась счастливая случайность. Самолет белых искал Мамонтова. Он получил такое задание: в треугольнике между Воронежским Калачом (есть такой город), Бутурлиновкой и станцией Таловой должен находиться Мамонтов. Так вот, чтобы найти Мамонтова и передать приказ их белого командования и вылетел летчик. А наш корпус оказался в этом же треугольнике. Вот подлетел этот самолет, кружился, кружился, а мы знамена опустили, так как они красные и по ним летчик мог определить, что это большевики, а не мамонтовцы. Потом красноармейцы начали махать шапками. Он покрутился, потом видит, что свои приветствуют, спустился. Самолет сел. Красноармейцы подбежали и назвали себя мамонтовцами. Летчик вылез обрадованный.

— Ну, слава богу, нашел вас.

Вот тут мы и забрали этого летчика. У него были ценнейшие документы и приказ генерала Сидорина о совместных действиях корпуса Коновалова с фронта, Шкуро из Воронежа и Мамонтова в тылу с целью разгромить и уничтожить нашу 8-ю армию.

С этим же летчиком генерал Шкуро писал генералу Мамонтову: «Если у тебя есть снаряды и патроны, если ты отнял их у красных, очень прошу тебя прислать, потому что у меня нет ни одного снаряда, хотя я занял Воронеж. Таким образом мне угрожает опасность с севера. Красные могут повести наступление со стороны Землянска, и я вынужден буду бросить Воронеж, так как у меня нет огнеприпасов».

Ну, думаю, знаем теперь с кем дело имеем! Потом Мамонтов, не зная, что Шкуро в Воронеже, потянул прямо на Воронеж. Когда он подошел к Воронежу, его Шкуро посчитал за красных, выступил против него, и они завязали бой. Пять часов дрались друг с другом, никак не могли опознать. Потом Мамонтов забрал у Шкуро пять пулеметов и пленных. Ходили раз пять в атаку, потом лишь разобрались, что дерутся против своих.

К сожалению, я не успел их атаковать во время их боя, так как мы подошли как раз в тот момент, когда они об'единились, опознали друг друга.

4

Деникин в это время уже занял Курск и Орел. На главном участке фронта началась знаменитая орловско-кромская операция. 12 дней там продолжались бои с переменным успехом. Между тем мы задерживались у Воронежа, учитывая состояние сил: у нас две дивизии, у белых — 6, у нас 6000 конницы, у них — 12000. Значит, наступать на Воронеж нельзя. Пусть они наступают. К тому же пошли дожди и дороги стали трудно проходимыми. Шесть суток мы стояли на одном месте.

А бойцы не дают покоя:

— До каких пор мы будем стоять?

Об'ясняю им обстановку. Против нас не только Мамонтов, но и Шкуро, на каждого нашего бойца — у них двое.

У наших настроение прекрасное:

— Все равно порубаем! Заодно и с Мамонтовым и с Шкуро покончим!

В это время произошел такой инцидент. Прибегают ко мне ночью в панике командир и комиссар 12-й дивизии:

— Дивизию забрал Мамонтов, остались мы двое, едва вырвались...

Посмотрел я на них и говорю:

— Знаете, товарищи, я вас расстреляю. Кому вы такие нужны? Вы ненужны революции. Если бы мой корпус попал в окружение, я умер бы вместе с корпусом, но никуда не ушел бы.

Горевал я о том, что дивизия погибла, и вдруг смотрю... прет эта самая дивизия с песнями, нетронутая. Они, оказывается, спаслись от Мамонтова без своих командиров. Дивизия очень неплохая. Назначил я им

„Отряд Буденного в 1918 г. в Сальских степях". С картины художника М. Грекова.

нового командира, тов. Реву, и бросил их в бой в первую очередь, когда шли бои за Воронеж.

5

В это время Мамонтов уехал с докладом к генералу Сидорину и в Воронеже остался один Шкуро. Он сформировал здесь буржуйский полк из воронежских контрреволюционеров и назвал его казачьим полком. Они рвались на Москву, казаками заделались.

Мы стоим под Воронежем, выбросили свою разведку очень широко по фронту — километров на 100, и белые решили, что, наверное, конница так же растянута. В эти дни я завязал связи с Шкуро и затеял с ним «переписку». Захвачу пленных и говорю им:

«Вот, ребята, отнесите письмо самому генералу Шкуро. Только смотрите, больше против нас не воевать, второй раз попадетесь — расстреляю».

А в письме пишу: «24 октября, в 6 часов утра, прибуду в Воронеж. Приказываю вам, генерал Шкуро, построить все контрреволюционные силы на площади у круглых рядов, где вы вешали рабочих. Командовать парадом приказываю вам лично».

Письмо к Шкуро мы писали с удовольствием, все равно как запорожцы к турецкому султану.

6

Стоим под Воронежем... Наконец, Шкуро дает приказ — разбить конницу Буденного по частям. В исполнение этого в ночь с 18 на 19 октября он бросает три колонны в трех направлениях: на север, в центр и на обход с юга. Между тем весь мой корпус ждал их, собранный в кулак. Первая колонна встретилась с нами в центре. Начался бой.

Четыре часа утра. Страшная грязь. Густой туман. Горячее сражение — и мы погнали белых, рубили направо и налево. Мы гнались за ними до самого Воронежа. У Воронежа один батальон буржуйского «казачьего» полка высунулся было нам навстречу, и мы его зарубили, захватив 36 орудий и бронепоезд.

В ночь на 24 октября мы разбиваем «казачий» полк и забираем Воронеж. Шкуро убегает в панике. Он бросает даже свой поезд, в котором мы нашли приготовленный шикарный генеральский завтрак — жареные языки...

Командующий Южным фронтом Егоров дал мне задание — ударить на Курск. Но Мамонтов и Шкуро еще не были окончательно уничтожены. Их конница сосредоточилась на станции Касторная. Там была группа генерала Пастовского: 3000 пехоты, 5 бронепоездов, 22 конных полка.

Мы бросились на Касторненский узел. В 3—4 дня вся белая пехота попадает в плен, забираем три бронепоезда, один расстреливаем, один уходит. Конница Мамонтова и Шкуро в этой операции действовала очень нерешительно. Позднее я узнал, что у них был прямой приказ Мамонтова: при встрече с конницей Буденного лучше не вступать с ней в бой, а стараться воевать только с красной пехотой.

Когда Касторненский узел пал, все у белых покатилось... Мы последовательно занимали Старый Оскол, Новый Оскол, Большую Михайловку. Сюда, в Большую Михайловку, к нам приехали товарищ Сталин, комюжфронта Егоров и члены Реввоенсовета 1-й конной армии Ворошилов и Щаденко.

Конный корпус наш в это время был уже очень крупной силой. В сталинском стратегическом плане окончательного разгрома Деникина на наш конный корпус, превращенный исключительно по настоянию тов. Сталина в армию, были возложены основные задачи. И Первая конная армия, направляемая мудрой рукой товарища Сталина, имея в своем составе такого пламенного революционера и пролетарского полководца, каким является К. Е. Ворошилов, не знала ни одного поражения, а уверенно шла от одной победы к другой, с честью осуществив надежды, возлагаемые на нас Лениным, Сталиным, всей нашей великой партией и рабоче-крестьянским правительством.

РАЗВЕДЧИК АРТИЛЛЕРИИ

Рассказ красноармейца Н-ского артиллерийского полка

Мне давно хотелось стать бойцом Красной армии. Я мечтал о том, как надену на себя гимнастерку, шинель, шлем с красной звездой, заброшу за плечи винтовку и сяду на боевого коня. Только обязательно на вороного, думал я, и помчусь навстречу врагу. Мне очень хотелось попасть в кавалерию. Я читал много рассказов о войне, и больше всего мне нравились рассказы о боевых атаках конницы, о славных победах Первой конной армии и о ее лихом командире, тов. Буденном. И вот настал день призыва. На призывном участке меня осмотрели и признали годным. Один из членов комиссии спросил меня, хочу ли я служить в кавалерии. Я ушел домой, ожидая повестки и назначения в кавалерийскую часть.

Наконец, повестка пришла. Я бегом бросился в военный комиссариат. Там собрались такие же, как я, будущие бойцы Красной армии. Нас вызывали к столу и вручали назначение. Одни отходили от стола радостные, другие — как будто обиженные: их назначили не туда, куда им хотелось. Подошел и я. На столе лежал мой военный билет, и я тут же прочел свое назначение в Н-ский артиллерийский полк.

— Почему же в артиллерию?

— Нельзя же всем в кавалерию,—сказал товарищ, сидевший за столом.

Я отошел разочарованный. Через несколько дней я был уже в артиллерийской казарме. Я надел гимнастерку, шинель и шлем со звездой, получил боевую винтовку, а на конюшне нашей батареи стоял мой конь и как раз такой, о каком я мечтал: вороной, с белой задней ногой. Звали его «Гадалка».

Мне очень хотелось поскорее вскочить на него и промчаться где-нибудь по полю, а не по тесному двору казармы. Но время еще не пришло. И я и товарищи еще очень мало знали. Поэтому с первых же дней нас засадили за боевую учебу.

Мне учеба давалась легко. Теперь мне даже смешно и подумать о том, каких простых вещей я не знал, когда пришел в полк. Я не знал даже, что такое пушка. Думал, что всякое артиллерийское орудие называется пушкой. Но оказалось, что есть еще мортиры и гаубицы. И сделаны они по-разному и для разных целей.

Оказалось, что снаряды из орудий летят не прямо, а по кривым линиям. Линии эти называются траекториями, и у разных орудий траектории разные. У пушки, например, траектория очень отлогая, и потому из нее хорошо стрелять по открытой цели: по пехоте, по танкам, по коннице и по самолетам; у гаубицы траектория покруче. Из гаубицы стреляют по скрытой цели: по окопам и блиндажам. А у мортиры совсем крутая траектория. В холмистых местах, где ни пушкой, ни гаубицей не достанешь, стреляют из мортир. И по виду орудия разные. Мортиры короткие, гаубицы подлиннее, а пушки совсем длинные.

Не знал я, из чего сделаны орудия. В какой-то книжке читал, что пушки делаются из чугуна, а в другой, что их льют из меди. А на самом-то деле все орудия делают теперь из самой лучшей стали.

И стреляют орудия по-разному: мортира, например, на четыре километра, не больше, гаубицы — вдвое дальше, а наша семидесятишестимиллиметровая пушка бьет на 13 километров. И снаряды бывают разные. Раньше стреляли чугунными шарами — бомбами. А теперь есть самые разнообразные снаряды. Одни, например, взрываются в воздухе во время полета и обсыпают противника круглыми пулями, заложенными внутрь, — это шрапнель.

Замковой открыл казенную часть пушки, обтер снаряд и вложил его в ствол.

Другие, гранаты, взрываются, когда попадают в цель, и поражают противника осколками; третьи, бронебойные, специально сделаны, чтобы пробивать броню.

Теперь все это кажется мне азбукой. А когда я впервые узнал это, то решил, что стал уже настоящим артиллеристом.

Однажды мы выехали на маневры. Ранним утром наш полк направился на боевую позицию. Мы ехали лесом, по проселочной дороге, вытянувшись на полкилометра и подымая за собой тучи пыли. Впереди верхом на конях ехали командир полка и штаб.

Вдруг по полку передали, что впереди находится «противник» с превосходными силами. Командир отдал приказ. Орудия свернули с дороги и расположились, готовясь к обороне. Пушки сняли с передков и на руках выкатили на позиции. Лошадей отвели в чащу леса. Связисты побежали по лесу, разматывая катушки телефонного провода.

Наша батарея из трех пушек оказалась на открытом месте. Командир приказал замаскировать батарею. Мы нарубили маленьких деревьев и воткнули их в землю вокруг пушек, чтобы противник не мог нас обнаружить. Это самый простой способ маскировки, но обычно его бывает достаточно. Впрочем, как я узнал после, такая маскировка иногда как раз выдает батарею. Землю вокруг орудий полили водой, чтобы во время выстрелов пушки не поднимали пыли. С пушек сняли чехлы. Командир стал слева с биноклем в руках. Замковой открыл казенную часть пушки, обтер снаряд и вложил его в ствол. Наводчик проверил прицельные приспособления. Все было готово, но «противника» мы не видели.

Загудел телефон. Командир взял трубку, сказал что-то и, еще раз посмотрев в бинокль, скомандовал:

— Бусоль семнадцать — двадцать, уровень тридцать, прицел восемьдесят два, стрелять правому, огонь!

Наводчик, поглядывая на приборы, покрутил маховички вертикального и горизонтального прицелов. Замковой дернул шнурок. Курок щелкнул, пушка ухнула и дрогнула. Сошник лафета глубже зарылся в землю, ствол откатился назад и сейчас же медленно пополз обратно. Пока замковой заряжал пушку, командир слушал у телефона.

— Правее двадцать, прицел семьдесят четыре, огонь!—снова скомандовал он.

Наводчик опять подкрутил маховички, и снаряд улетел куда-то вперед.

Было слышно, как рвутся снаряды, но ни взрывов, ни дыма их мы не видели. Часа через полтора нам сообщили, что «наступление» отбито. Сыграли отбой. Убрав пушку, мы подняли и прикрепили ее лафет к передку. Я опять сел верхом на «Гадалку», и снова, громыхая и пыля, полк двинулся к казармам.

В одну из повозок укладывали странные приборы: один был похож на какие-то рога, другой — просто труба со стеклянными окошками на концах, тут же большие компасы, телефонные аппараты.

Оказалось, что на этой повозке везли приборы артиллерийской разведки, и тут же я узнал, что разведчики как раз и были те самые таинственные люди, которые по телефону направляли наши снаряды. На этих маневрах я так и не понял, как же все-таки стреляют.

Мне самому захотелось стать разведчиком. Я рассказал об этом командиру, и скоро меня перевели в школу артиллерийской разведки. Раньше я думал, что быть разведчиком — это значит лазать переодетым где-нибудь в тылу у противника, подслушивать разговоры во вражеских окопах и переносить через линию фронта донесения на папиросной бумаге, запрятанные в каблук сапога. Мне казалось, что разведчику нужна храбрость и больше ничего. Но оказалось совсем не так.

В школе разведки меня снова засадили за учебу, за алгебру и геометрию, топографию, метеорологию и физику и другие науки, которые, как мне казалось, ничего общего с разведкой не имеют.

Оказалось, что самое важное для артиллерийской разведки—распознать цель и определить, где она находится. А потом, когда начнется обстрел, определить, куда попадают снаряды, или, как говорят, корректировать стрельбу. Для этого разведчики выходят далеко вперед и прячутся где-нибудь в кустах или на дереве, откуда хорошо видна цель. Конечно, пост разведки должен быть хорошо замаскирован.

Пост соединен с батареей телефоном, и разведчик все время передает свои наблюдения, которые ведутся при помощи различных инструментов и приборов.

Вот, например, противник обстреливает наши укрепления. Надо сбить его батарею, но с места расположения наших войск батареи не видно. Тогда мы, разведчики, с телефонами и приборами идем вперед и выбираем удобное место. Лучше всего это делать ночью, в темноте.

Но вот пост установлен, начинается наблюдение. В районе расположения противника еще ночью были видны вспышки — значит там и надо искать батарею. Так и есть: вчера утром за этим холмиком была голая полянка, а сегодня уже вырос целый лесок. Ловко устроено! Самое главное сделано. Теперь нужно сообщить нашей батарее, куда стрелять.

„Огонь!"—скомандовал командир.

Мы точно знаем, где находится наша батарея и где стоит наш пост. Но точного места батареи противника мы еще не знаем. И вот, установив двурогую стереотрубу, мы ставим ее по компасу и наводим так, чтобы увидеть в нее батарею. При этом смотрим, на сколько градусов пришлось повернуть. Это называется найти горизонтальный угол. Сейчас же мы сообщаем его на батарею. Там тоже есть компас и бусоль — такой круг, по которому можно отмерять градусы. Командир отдает приказание, и пушку наводят. Теперь она глядит прямо на вражескую батарею. Но стрелять еще рано.

Ведь снаряд летит не прямо. Если взять повыше, снаряд полетит дальше, если пониже, он упадет ближе. Значит, нужно поднять дуло как раз так, чтобы снаряд попал в цель. Сделать это нетрудно, если знаешь расстояние до цели, но его-то мы как раз и не знаем. Берем другой прибор — дальномер «инверт». Это длинная труба в метр с четвертью длиной. Около концов ее сделаны окошечки, а в середине — стеклышко для глаза, как у бинокля. При наблюдении эту трубу держат поперек, направляя оба окошечка на цель. Если посмотреть в такую трубу на какой-нибудь предмет, увидишь кружок, а в кружке сразу два изображения — одно над другим, причем верхнее вверх ногами и сдвинуто в сторону. Над верхним изображением видны еще цифры. Если повернуть винтик, устроенный в трубе, цифры будут меняться, а верхнее изображение поползет в какую-нибудь сторону. Поворачивая винтик, приводят изображения в такое положение, чтобы они

Стереотруба.

совпали верхними точками. А цифра, которая при этом окажется наверху, и есть расстояние до цели.

Теперь уже это расстояние известно. Сообщаем на батарею. И вот начинается стрельба. Но как ни точно мы измерили угол и расстояние, получилась небольшая ошибка. К тому же ветер отнес снаряд, и он упал слишком далеко вправо от цели. Скорее определяем, куда он попал, и сообщаем на батарею. Там командир отдает новое приказание, наводчик меняет прицел и угол. Новый выстрел, и снаряд летит прямо в цель. Но и на этот раз промах. Снаряд не долетел: он упал слишком близко. Сообщаем на батарею. Теперь нужно попасть в середину, между двумя первыми выстрелами. Цель, как говорят, взята в вилку. Летит третий снаряд. Бах! Попали!

Сообщаем об успехе, и сразу один за другим из всех трех орудий несутся снаряды на батарею противника.

— Довольно стрелять, сообщаем мы,— батарея противника уничтожена, задание выполнено.

Бывают у нас и другие задания. Надо, например, выяснить, какой артиллерией вооружен противник. Тогда по звуку выстрелов, по тому, как и сколько времени летит снаряд, по их действию и по осколкам мы решаем задачу. А для этого надо знать все пушки, мортиры и гаубицы, не только свои, но и вражеские. А так как во всех странах каждый день появляются все новые, все более и более совершенные орудия, то и учеба у нас не прекращается ни на один день.

Теперь я вижу, что одной храбростью не возьмешь. Чтобы победить в будущей войне, нужны будут люди, умеющие управлять пушками, танками, самолетами. И мало того: люди, которые твердо знают, за что они дерутся, защищая дело рабочего класса, дело Ленина — Сталина, — таких бойцов воспитывает наша Красная армия.

Боец определяет расстояние при помощи дальномера „инверт“.

С НОВЫМ ГОДОМ

Борис Житков

Рисунок П. Митурича

Был канун нового, 1907 года. В городской думе были расставлены столы. В парадном зале, в два ряда. А на столах! Свечи в канделябрах, по шести штук в каждом. Канделябры бронзовые сияют как золото. А вокруг икра, балыки, заливные осетры, окорока, индюшки. Все в завитках, в бумажных финтифлюшках. Вазы хрустальные. В вазах апельсины, яблоки: гора над горой. А бутылок — что солдат на параде. По краям тарелки, ножики, вилки, графинчики, рюмки. Блестит, горит — глаза режет. Официанты в белых перчатках. Бегают, мечутся — дух зашибло. Сейчас господа приедут! Ведь господа-то какие! Не простые — именитые. Цвет купечества. Виднейшие адвокаты. Сказывают: сам губернатор будет. С графиней, с губернаторшей.

А вот и собираются. Во фраках. Глаженые рубашки блестят, как фарфоровые. А другие в мундирах пришли, воротники золотые, шпага при боку. А дамы-то! В ушах бриллианты, на пальцах колец — что перчатки. Вот уж и музыканты наверх пробираются. Трубы горят начищенные. Ух, как рявкнет медь, посуда подскочит.

Сейчас губернатор будет. Бегут, бегут — это его встречать. Городской голова[1] впереди всех покатил. Музыканты встречу ударили. Городской голова кланяется, улыбается. А что говорит, за музыкой не слыхать. Его сиятельство по сторонам кивает: «Садитесь, господа. Прошу без чинов». На музыку платками замахали. Городской голова говорит, в руке бокал держит:

— Вступаем в новый, девятьсот седьмой, божьей помощью и стараниями вашего сиятельства! — и кланяется. — В новый год, год успокоения, мирного строительства, без забастовок! — кланяется. — Мирного преуспеяния, без стачек, без баррикад! Ваше сиятельство, без смуты вступаем в спокойное... — и все кланяется, кланяется. И бокалом губернатору как поп кадилом.

Дамы все на графа смотрят и прическами кивают. Пришептывают: «Ваше сиятельство! Ваше сиятельство!»

А голова:

— В ознаменование крепости державы российской и силы русского оружия со дна моря поднята, с затопленного дерзостного английского корабля, чугунная пушка десятифунтового калибра. И пушка эта, ваше сиятельство, поставлена на пьедестал как памятник победы, близкой сердцу нашему. И в знак близости водружена в двадцати шагах от этого здания — городской думы.

Городской голова махнул бокалом к дверям, чтобы показать, где пушка, и плеснул вином губернаторше на голое плечо. Ад'ютант губернаторский подскочил с салфеткой и так усердно стал вытирать, что граф нахмурился на ад'ютанта. И сказал сердито: «Довольно бы, пожалуй!»

Голова думал, что это ему, и на всем ходу прикусил язык. А граф кивнул голове: «Я вас слушаю!» Тут кто-то догадался махнуть музыкантам, те ударили туш, все господа встали, у всех бокалы с вином играют в руках. «Ура! Ура!» — зазвякали, зачокались.

А мы еще накануне знали, как это там соберутся, как там бутылки раскупоривать начнут и как начнут всей рабочей революции отходную петь. Да и верно! Прижали — не повернись. Хоть запей с горя! По всем городам усиленная охрана, шпиков, что воробьев. «Союз русского народа» резинами машет, хлещет этим резиновым дубьем всех, чья личность им не по нраву. Что ж выходит: в щель забейся. Но мы сидели втроем на квартире и всем тошно, а Сережка все бубнил:

— Теперь им лафа: во, какими павлинами ходят: «Что? Кого? Царя?» Сейчас свисток из кармана, тебя за шиворот и такое тебе «боже царя» начнут в участке всаживать, что акурат на три месяца больницы. Сиди, брат, и не пикни. А они там в городской думе завтра — ого! Три фургона одних бутылок, говорят, туда пригнали.

Гришка говорит:

— А я пикну. Ой, пикну! Они только за рюмки, а я...

— А ты залазь под койку и оттуда пикни! — И Сережка ткнул ногой под кровать.— Залазь хоть сейчас и пищи. Только малым ходом, а то сам испугаешься.

Гришка вскочил:

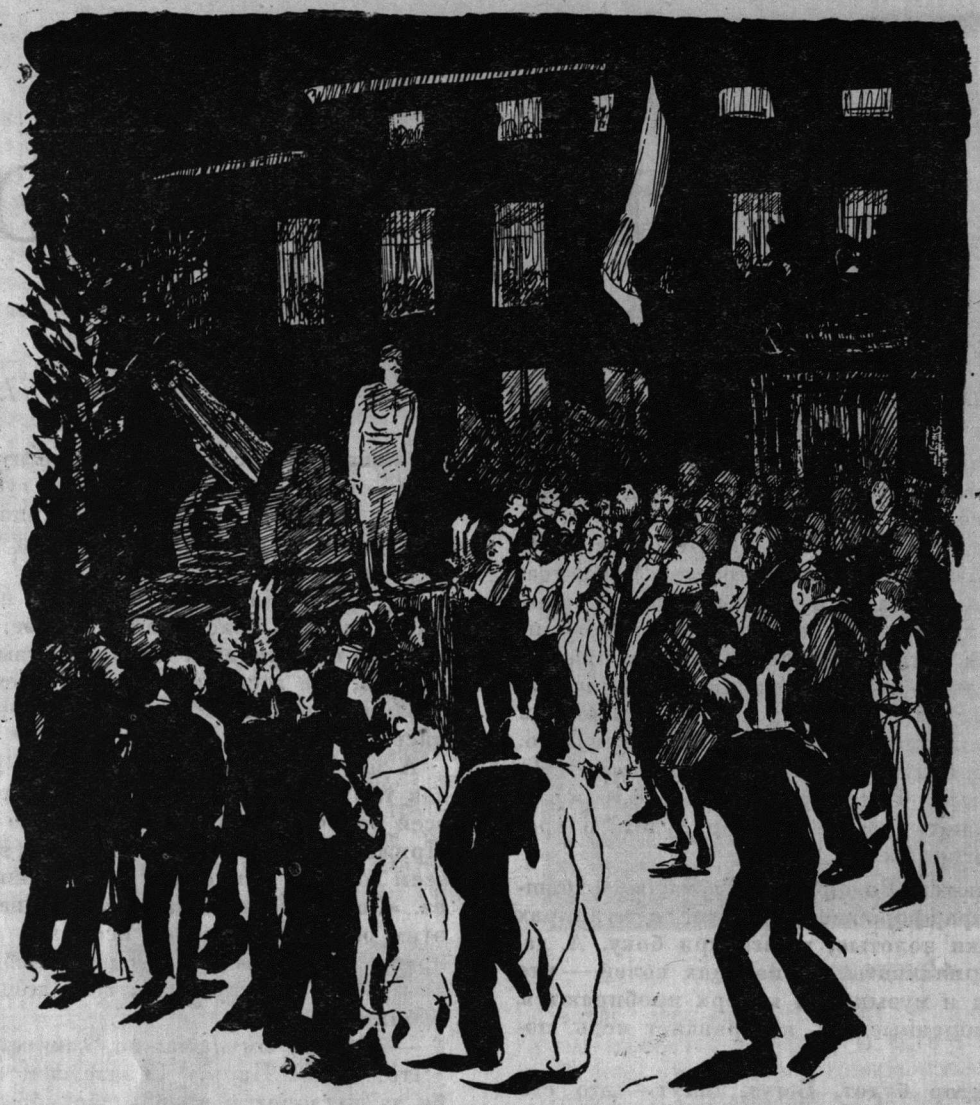
— Ой, охота пикнуть! Охота, товарищи, пришла, тьфу! Чтоб я пропал совсем.

Мы на него глядим: что он, сдурел? А его всего так и ломает, так и крутит винтом.

— Вот надумал, побей меня, господь! — и сел на корточки, потом опять вскочил и к двери: засматривает, не слушает ли кто. Обезьяна! В нем, в идоле, сажень без вершка, и тощий как веревка. Мы с Сережкой засмеяться не поспели, а он присел на пол между нами, за шеи сгреб и ну шептать. Такого нашептал, что мы с Сережкой по карманам всю мелочь вывернули: гони, ребята, пока лавки не закрыли! Через час, чтоб здесь быть. За шапки — и в двери.

Через час мы опять вместе. Мы с Сережкой принесли по три фунта охотничьего пороху, марки «царский». Гришка — клею столярного, веревки сажен десять и шнурок. Вот где он этот шнурок достал? Говорит, у сапера. Это замечательный шнурок: если

[1] Городской голова — в царское время председатель городской управы.



Здесь написано,—во весь голос кричал ад'ютант,— „Ура! Ура! Ура! Да здравствует! Российская! Социал-демократическая! Рабочая! Партия!"

его подпалить с одного конца хотя бы цыгаркой, то он неугасимо горит на какой ни есть погоде. И горит с полным ручательством: ровно аршин в минуту — как часы. Мы с Сережкой не поверили. Отмерили на пробу четверть аршина точнехонько, подпалили с конца и по часам, по маленькой стрелке, глядели. Секунда в секунду! Что ты скажешь?

И вот мы бросили курить, ссыпали все шесть фунтов этого пороху в газету длинной колбасой, обложили картонками, обвязали всю эту змею бичевками. И весело нам стало, «царский» приговариваем. Гришка для смеха «боже, царя храни» затянул. Мы подтягиваем. Разварили клею столярного у хозяйки на керосинке, говорим, койку чинить будем. Она рада: вот дельные хлопцы, говорит. А тут Гришка проткнул дырку в колбасе, потом обернул карандашик в бумажку и всадил в эту дырку карандаш до самого пороха. Кто его выучил долговязого? И теперь ну мазать веревку в клею и эту колбасину укручивать клейкой веревкой. Да плотно и накрепко.

Мы все в клею перемазались, однако все идет как надо: колбаса вышла хоть и толстая, однако Гриша все ее промеривал и говорит: «Толщина подходящая, и больше не мотать». Мы ее, мамочку, выровняли, укатали в газеты, вышло что со станка, как точеная, полтора аршина длиной. Мы ее закатали под кровать — пусть сохнет.

Тут мы закурили и для виду стали по кровати постукивать—чиним, мол, чтоб хозяйка не была в сомнении. Гришка все под кровать заглядывает. Домой не хотел идти.

«Вы, — говорит, — ее возить еще начнете туда-сюда и всю нашу лавочку завалите».

А ночевать ему здесь как же? Дворник придет: кто посторонний ночует? По какой причине? Укрывается, значит? А Гришку с 1905 года в полиции хорошо помнили. Да где такому спрятаться: в толпе торчит, будто на ящик встал.

Пришлось Грише уйти. На прощанье он колбасу погладил: «Сохни, мамочка ты моя!»

А на другой день был канун нового года. На думе из газовых рожков горело ярко «боже, царя храни» саженными буквами, а колбаса наша засохла, как каменная. А к думе кареты под'езжали и откатывали. Погодка была тихая, и снежок ласковый как вишневый цвет падал нехотя с неба. А Гриша отмерил, семь раз отмерил четыре аршина чудесного шнурка, вынул карандашик и заправил в дырку на его место кончик этого шнурка и крепко бичевкой шнурок в колбасе укрепил. А полиция в белых перчатках у думы стоит и откозыривает каждой карете. А мы

втроем идем в скверик, что возле думы, и Гриша под пальто несет колбасу, к груди прижимает. Он длинный, и на нем не видать! Похоже, просто человек поплотней кутается: пальтишко-то дрянненькое. Вот уж половина двенадцатого. Последняя карета от'ехала. Успокоились околоточные и поверх белых перчаток варежки натянули. Гляди, и пусто перед думой вовсе. А вот и один всего околоточный остался. Вот и он зазяб и ушел в думу, в сени, греться.

А у меня жестяночка с красной краской, а у Сережи — кисточка. Вот мы с Сережей к думе. Я сторожить остался, а Сережа — к пушке. Мигом влез на фундамент, уцепился за лафет. Вот уж, вижу, там. Малюет. Вон уже Гришка саженями шагает через площадь, торчит столбом верстовым, на него просто посмотреть, так городовой свистнет. Вот Сережка спрыгнул. А Гришка — ему пушка как раз под рост: дуло-то высоко, а ему как раз руками достать — ух! и ушла колбаса в пушку, шнурочек только чудесный как макаронина висит изо рта у пушки.

Часы у нас по думски поставлены в точности. Во, как раз четыре минуты осталось. Вижу, Гришка раздул папироску и припалил шнурочек. Теперь ходу, ребята! Гришки уж нет. В миг отшагал верблюд проклятый, не видит,, что под самой пушкой, на скамеечке бульварной, сидит парочка. И парочка ничего не видит, конечно, тоже: им не до нас. Да и не видать впотьмах. Но ведь они со страха лопнут, как шнурочек-то кончится! И всего три минуты осталось. Мы с Сережкою вмиг, как сговорившись, за снежки (а тут и околоточный на крыльцо выставился). Я в Сережку снежком, он отбежал, стал против скамейки. Я бах еще раз, да в спину скамейки, снежок расшибся, барышне за шиворот попало. Кавалер вскочил. Сережка меня снежком, да кавалеру по шапке: две минуты осталось, когда тут нюнить?

— Фу, нахалы какие!

А Сережа:

— Извините, я ниже целил.

А кавалер барышню под руку и быстрым шагом прочь, по бульварчику вниз. Мы с Сережкой бегом и все вроде в снежки играем. Вот он, Гришка, стоит в сквере. Остановились мы, ждем. Замерли. Сейчас шнурочек должен догореть. Там, в думе, сейчас бокалы поднимают за упокой революции. «Ура» кричат, сюда слышно.

Гришка, слышим, шепчет: «Пикни, мамочка, пикни, родная моя».

Ничего. Тихо, все замерло. Ударил колокол в соборе. Гришка сорвался:

— Я погляжу в нее, что там.

Мы его за полы:

— Куда ты, с ума ты...

И тут как ахнет! Мы даже подскочили. Ну, знаете, и пикнуло! Тысячью хлопков застукало эхо.

Мы только видели, как белое густое кольцо выпрыгнуло из пушки и важно поплыло в воздухе. Секунду все молчало, пока отхлопало эхо. И тут как заверещали свистки! В думе двери захлопали! Вылетели околоточные, господа во фраках, все забегали по крыльцу, со свечками бегут, с канделябрами. Пристав с крыльца скатился, вот полицмейстер бежит, как был, без фуражки, салфетка на пузе. Кареты с перепугу рванули. Ух, какую-то понесли кони!

— Фиюррр! Держи! — городовые бегут, свистят все разом. Кто-то кричит: «Бомбу бросили, спасайтесь!» Мы бежим тоже, кричим.

— Что? Что случилось? Ради бога?

Все бегут к пушке. Полицмейстер кричит:

—Да не бойтесь, второй раз сама не выстрелит.

Наконец, примолкли, расступились: шел губернатор, с ним голова. Какие-то во фраках несли канделябры со свечками.

— Осмотреть, осмотреть! — басил губернатор.

Губернаторский ад'ютант ловко влез на лафет.

— Внимательно осмотрите. Дать ему свет! — командовал губернатор.

Друг через друга карабкались чиновники с канделябрами, капали стеарином на спины.

— Ну, докладывайте оттуда, сейчас же! — кричал губернатор ад'ютанту.

— Тут надписи, ваше сиятельство, красным. Свежая краска, — ад'ютант обтирал рукав.

— Вы там не прихорашивайтесь, не перед зеркалом! — крикнул губернатор. — Читайте! Кажется, грамотный? Громче, не слышно!

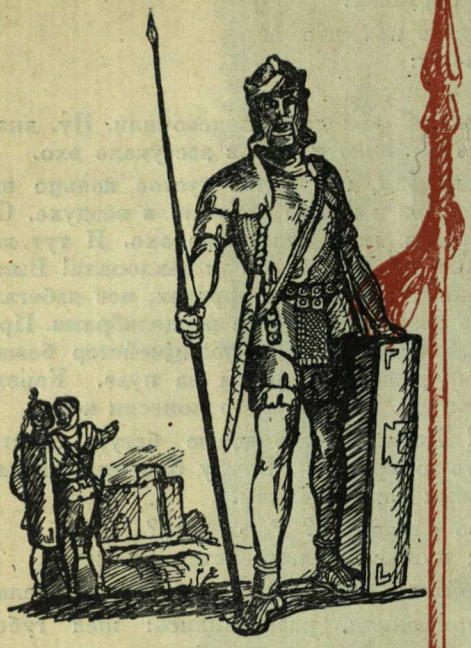
— Вот тут написано, — тонким голосом начал ад'ютант и смолк.

— Ну! — рявкнул губернатор. — Осипнуть изволили с перепуга? Герой!

— Здесь на-пи-са-но! — во весь голос кричал ад'ютант,— написано: «Ура! Ура! Ура! Да здрав-ствует! Российская! Социал-демократическая! Рабочая! Пар-ти-я!!»

★ ★ ★

СОЛДАТЫ



Римский легионер.

Ландскнехт.

Мушкетер.

Римский легионер — воин римских легионов, которые две тысячи лет назад покорили весь известный тогда мир.

Римские воины были непобедимы. Они были вооружены короткими копьями, короткими мечами, щитом и кожаными латами. Они начинали бой метанием копий, а потом переходили в рукопашный бой. Тут уж они дрались мечами. При осаде крепостей они так покрывались щитами, что все щиты составляли один сплошной щит. Такой огромной черепахой они почти безопасно подбирались к стенам.

В древнем Риме сначала служили в войсках только люди из высших классов. Рабов вооружали только тогда, когда опасность подходила вплотную.

Потом, когда военная служба показалась в тягость высшим сословиям, в армию стали вербовать наемников. Наемные солдаты получали жалованье монетами, которые назывались «soldus» (сольдус). От этого произошло французское слово «soldat» (сольда), которое в давние времена перешло и в русский язык.

Ландскнехт — средневековый солдат. Он вооружен пикой, мечом, иногда арбалетом — самострелом. Для защиты от стрел и копий на нем железные латы. Дрались ландскнехты так: выпустят небольшой запас стрел, а потом сомкнутым строем идут врукопашную. Ландскнехты служили солдатами у крупных помещиков—ландграфов. Было время, когда почти каждый такой ландграф имел свою армию. Это было пешее наемное войско. Его ввели тоже не сразу. Раньше в Германии и во Франции армия состояла только из рыцарей, «простому народу» оружия не давали. Рыцари сражались на конях, с ног до головы закованные в железо. В пешем строю в таком вооружении сражаться нельзя было: оно было слишком тяжелым.

Огнестрельное оружие—ручная кулеврина — впервые появилось около 1425 г. Она была похожа на короткую железную трубу с длинным хвостом. Хвост во время стрельбы упирали в землю. Кулеврина била так слабо, что ей предпочитали самострелы. В начале XVI в. кулеврина была усовершенствована и уже называлась аркебузом. Аркебузами были вооружены все армии. Вскоре защитные кольчуги и латы стали делать такими толстыми, что их уже невозможно было пробить пулей аркебуза, весившей всего 6 золотников. Пришлось увеличить калибр ружья. Появилось новое оружие—мушкет. Мушкет весил 8—10 килограммов. Во время стрельбы его клали на вилы, воткнутые в землю, и мушкетером мог быть только очень сильный человек. Во время боя у мушкетеров были помощники, которые носили за ними пороховницы, мешки с пулями и подставку для мушкета. Солдат называли мушкетерами очень долго, даже тогда, когда мушкет уже был заменен более совершенным кремневым ружьем.

Прусский рекрут.

В XVIII в. в Пруссии солдат в армию вербовали насильно. Время от времени солдаты по приказу начальства выходили на улицу и ловили всех годных для военной службы людей. Крестьянин до 40—50 лет, приехавший в город на рынок, рисковал каждый день попасть в такую облаву и угодить на всю жизнь на военную службу. Конечно, вербовкой были очень недовольны крестьяне и ремесленники. Чтобы их успокоить, Фридрих Великий ввел вербовку иностранцев. Из прусских подданных разрешалось вербовать «только лиц дурного поведения», а «человеком дурного поведения» мог оказаться каждый по произволу властей и вербовщиков.

РАЗНЫХ ВРЕМЕН

Стрелец.

В России до Петра I дворянам и боярским детям давали земли, а они и их потомки, все поголовно и пожизненно, должны были за эти земли служить в армии, защищать от врагов — внешних и внутренних—царя, отечество и свои земли. Стрельцы набирались только из вольных (не крепостных), охочих людей и получали за это землю, жалованье, льготы по торговле и промыслам. Крепостных в армию не брали совсем. Армия собиралась только в военное время и в краткие учебные сборы. Стрельцы были вооружены бердышами, кистенями и мушкетами.

Петровский потешный.

Петр I упразднил стрелецкие войска. Стрельцов он заменил дворянами, которые обязаны были служить все поголовно, и рекрутами. Армия при Петре I была постоянной и организована и вооружена на европейский лад. Бритые солдаты оделись в новую европейскую форму и вооружились вместо мушкета 8-линейными «фузеями» с кремневым замком и трехгранным штыком. «Фузеи» стреляли всего на 200 шагов.

Николаевский солдат.

Дворяне мало-помалу получали всякие льготы по военной службе, наконец, и совсем были освобождены от нее. Они служили, если хотели, офицерами. Вслед за тем были освобождены купцы и духовенство. Воинскую повинность отбывали мещане и крестьянство. Но люди и этих сословий служили не все. Богатый мещанин или крестьянин мог заплатить в казну выкуп или нанять вместо себя бедняка. При Николае I солдаты служили в армии 25 лет и служба была очень тяжелой. Солдат за малейшую провинность прогоняли сквозь строй, избивали шпицрутенами[1] и готовили их не столько к войне, сколько к парадам. На обучение стрельбе тратили всего по 10 патронов в год на каждого солдата. В крымской войне против французов, англичан и турок русские войска были разбиты.

[1] Длинными прутьями.

Нынешние солдаты-пехотинцы буржуазных армий вооружены легкой (около 4 килограммов) скорострельной винтовкой со штыком, которая бьет на 3 километра, множеством пулеметов, ручными и ружейными гранатами и даже собственной «пехотной» артиллерией. Пехоте помогают в бою танки, самолеты, мощная артиллерия и множество вспомогательных машин и приборов.

Капиталисты стараются так механизировать свою армию, чтобы в ней служило поменьше солдат. Солдаты в капиталистической армии—рабочие и крестьяне. Они могут повернуть штыки совсем не туда, куда хотят капиталисты. Русские солдаты в 1917 г. повернули штыки против своих генералов, помещиков и капиталистов.

Буржуазия знает об этом и боится этого. Но как она ни старается обезопасить себя с этой стороны—это ей плохо удается. Главной силой армии все-таки остается человек. Орудие без солдат стрелять не будет. Военный аэроплан может взвиться в воздух и с одним только человеком—с летчиком. Но оказывается, на каждый аэроплан приходится 75 человек. Сами они не летают, но без них самолет не полетит—это механики, мотористы, слесаря ангаров, охрана—все они солдаты.

Только Красная армия—единственная армия, которая сильна и своей техникой и своими людьми—красноармейцами и командирами, она сильна тем, что это первая армия в мире, которая защищает дело трудящихся, дело социализма и стоит на страже мира.

«В первую очередь крепость нашей рабоче-крестьянской Красной армии заключается в том, что она дружно, как один человек, идет за руководством Коммунистической партии, за руководством нашего великого вождя товарища Сталина»,—так сказал на VII с'езде советов заместитель наркома обороны тов. Тухачевский.

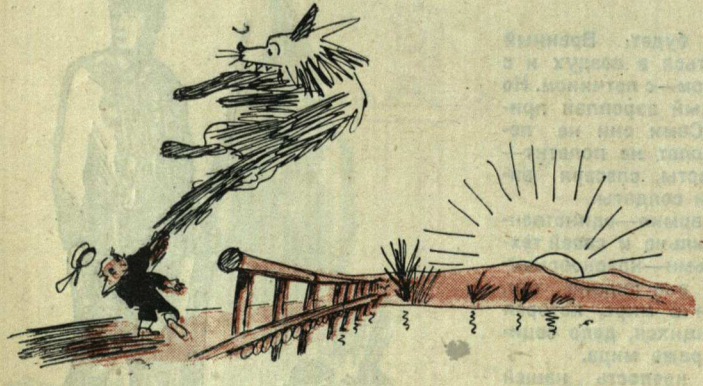
Солдат британской армии

Е Г

Стихи А. Введенского

Дует в поле ветер,
Шумит сердитый бор.
Жил да был на свете
Пионер Егор.

Под высокой елкой
Как-то повстречал
Он большого волка.
Серый волк рычал.



Он увидел волка,
Взял его за хвост,
Перекинул волка
В речку через мост.

К дому шел устало,
Спешил Егор домой.
Солнце догорало
Где-то за горой.

Он прошел недолго,
Вечер настает.
И увидел: Волга
Перед ним течет.

Он об эту Волгу
Ног не замочил,
Речку эту, Волгу,
Он перескочил.

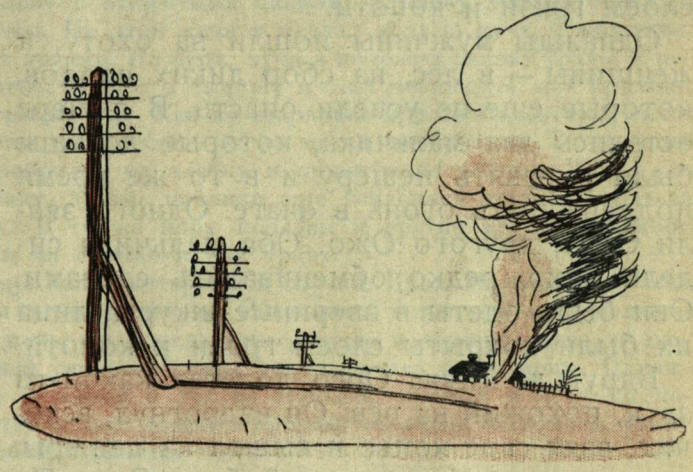
ОР

Рис. А. Каневского

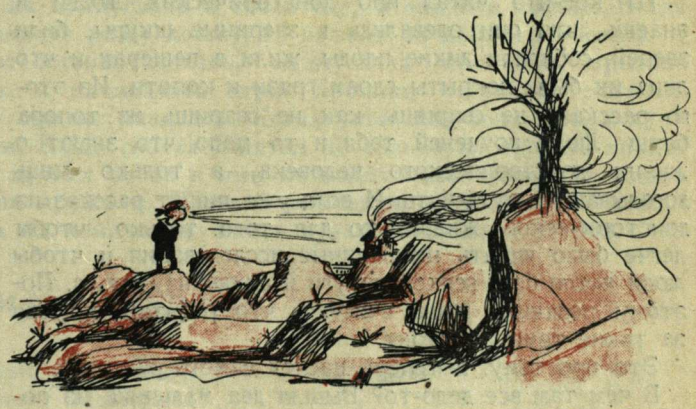
Он идет и слышит,
Как дрожат листы,
Ветер чуть колышет
Темные кусты.

А в кустах разбойник
Достает ружье,
Думает: спокойно
Застрелю его.
Но Егор от пули
Прочь не убежал,
Подскочил и пулю
В кулаке зажал.

Ночь уж на исходе.
В поля пошли стада.
К дому он подходит,
Тут опять беда.



В дом войти желает —
Дым валит столбом.
Видит он: пылает
Деревянный дом.



Он увидел пламя,
Глубоко вздохнул,
Дунул он на пламя
И пожар задул.

Песню начинали
Вместе мы, друзья,
Врали, сочиняли
Он, и ты, и я.

Первобытные мальчики

Рассказ деткора Вити Дейкина

Это было давно-давно, много тысяч лет назад. На берегу реки, в скале, была пещера, в этой пещере жила семья. Мужчины занимались охотой, а женщины — сбором диких плодов. Все они были одеты в шкуры зверей, лица их были покрыты слоем грязи и копоти.

Однажды мужчины пошли на охоту, а женщины — в лес, на сбор диких плодов, которые еще не успели опасть. В пещере остались два мальчика, которые должны были охранять пещеру и в то же время поддерживать огонь в очаге. Одного звали Орго, другого Ожо. Оба мальчика сидели тихо, редко обменивались словами. Они были одеты в звериные шкуры, лица их были покрыты слоем грязи и копоти.

Вдруг до слуха Орго долетел какой-то звук, похожий на рев. Он вздрогнул, вскочил, взял свое копье и вышел из пещеры, за ним вышел и меньшой брат Ожо. По реке проплывала огромная льдина, а на ней стоял огромный носорог, задние ноги которого попали в трещину во льдине, из которой он не мог никак высвободиться. Около носорога лежал только что убитый им медведь необычайных размеров. Из распоротого брюха носорога струей текла кровь. Носорог издавал такой рев, от которого дрожала вся долина. А стадо оленей, пасшихся в долине, сорвалось с места и стрелой унеслось в лес.

Между тем на льдину налезло много дикого зверя. Но льдина, подхваченная быстрым течением, быстро уплывала и скоро исчезла совсем из виду. Мальчики проводили ее взглядом и побежали в пещеру.

Огонь в очаге потух, но угли все-таки тлели; мальчикам стоило трудов раздуть его, скоро показались охотники; на плечах они несли убитого северного оленя. Орго и Ожо выбежали навстречу охотникам и вместе с ними вошли в пещеру. Охотники разделили мясо поровну, а мальчикам дали по большому куску сырого мяса. Они наелись досыта и забыли, что они видели днем.

Ответ писателя Бориса Житкова Вите Дейкину

По поводу твоего рассказа, Витя, мы можем вот что сказать:

Ты кое-что читал про доисторических людей и знаешь, что они одевались в звериные шкуры, били зверей, собирали дикие плоды, жили в пещерах и что лица их были покрыты слоем грязи и копоти. Из этого рассказа не сваришь, как не сваришь из топора борщ. Люди поученей тебя и то мало что знают о жизни доисторического человека, а только лишь догадываются чуть-чуть. И если уже пишут рассказ из доисторической жизни, то для того только, чтобы легче было читать их научные исследования и чтобы люди могли безо всякой натуги и скуки научиться. Поэтому редакция наша считает, что ребятам браться за такие темы не стоит.

Это про тему. А теперь насчет самого рассказа.

В чем там все дело-то? Вышли два мальчика из пещеры. Смотрят: на льдине, по реке, плывет носорог. А ты здорово уверен, что носорог мог попасть на льдину? Или уж если доисторический носорог, да на доисторическую льдину, да по доисторической реке, то уж тут все может быть, как в диком сне? Ну, ладно. Пусть плывет. Из брюха у носорога кровь струей. Читатель думает: «Во! Начинается. Сейчас они, мальчики эти доисторические, возьмут да и...» А мальчики ничего. Повернули да домой, в пещеру. Пришли взрослые. Ну, может быть, взрослые расскажут, как там дальше с носорогом было? Встретили, может быть, перехватили льдину? Нет! Охотники принесли северного оленя и накормили мальчиков. Значит: видели носорога на льдине, пошли домой и наелись оленя и «забыли», что они «видели». Это в наше время перенести: вышел я из дому, смотрю, тетерев летит. Я пошел домой, наелся борща и спать лег. Вот и весь рассказ.

Но пусть так. Неудача, загнул чересчур. Не беда! А вот что самое худшее. Рассказ твой не доисторические времена напоминает, а самые недавние: книжку Д'Эрвильи «Приключения доисторического мальчика». Там тоже из пещеры выходит доисторический мальчик, тоже видит, ну не носорога, а мамонта. И там ноги мамонта попали в трещину льдины как в западню. Ты попросту чуть-чуть переиначил отрывок из «Приключений доисторического мальчика» и решил, что сочинил рассказ. Ты думаешь, если я в чужом рассказе про девочку, скажем, Катю, заменю ее имя на Машу, а вместо реки поставлю озеро, то вот и готов мой собственный рассказ?

Ты только не думай, что это с тобой одним так: нам в редакцию каждый день ребята шлют списанные из книг рассказы и стихи, иной раз и вовсе не переиначенные, и думают, что вот какое я сочинил.

Ты лучше пиши не про доисторическую жизнь, которой ни ты, никто другой не знает толком, а пиши из своей жизни, которой ты живешь, где ты все знаешь точно. И уж тут тебе никто не укажет, что это, мол, невероятно, так не бывает: тут ты поспоришь и докажешь, сам был, сам видел, со мной было, в наших местах.

А ты носорога на доисторическую льдину посадил. И то из книжки. Не стоит, Витя!

Борис Житков

Почта Тут-Итама

Письмо Игоря Березина

Красный Холм

Письмо Игоря Березина о том, как он разводил кроликов, — интересное письмо Видно, что он внимательно наблюдал за своими кроликами. У многих ребят как и у Игоря есть кролики, собаки, птицы и рыбы. Хорошо, если другие ребята будут так же внимательно наблюдать за своими животными и напишут об этом в «Пионер».

Летом прошлого года я разводил кроликов. Жили они у меня в хлеву с открытыми окнами. В хлеву лежала большая куча соломы. Из этой кучи я сделал другую кучу, с крутыми, отвесными краями. На верх кучи я положил охапку травы и поставил питье, отошел в сторону и стал наблюдать, как кролики будут доставать еду. Как ни старались кролики влезть на солому, все они скатывались и не могли взобраться. Тогда один кролик взобрался на клетку и прыгнул на солому. Видя, как он ест траву, другие кролики еще усиленней стали взбираться на солому. В ту же пору полезли и другие кролики. Вскоре все сидели на соломе и ели траву.

Был еще более интересный случай. Кролики вырыли у стен себе норы и там ночевали. Заваливать норы я и не думал, потому что норы были недлинные, около половины метра, а около наружной стороны стены лежали в два ряда дрова. Однажды утром я пошел в лес за грибами, пробыл в лесу до полудня. Когда я шел домой огородом, то очень испугался, услышав за собой странный топот.

Я оглянулся и увидел, что на дорожке сидят подряд три кролика и как по команде барабанят лапками по земле. Я их поманил, они подбежали. Я их стал ласкать. Вдруг один кролик опрокинул корзинку с грибами и стал обнюхивать грибы. В это время подбежал другой кролик, забрал в рот гриб и стал его жевать, но выплюнул и стал фыркать. Я их отогнал от грибов. Они побежали по борозде и вдруг пропали. Я подбежал к концу борозды и увидел нору. Оказывается, кролики за ночь прорыли нору в три метра длиной.

Мои кролики очень дружили с кошкой. С ней они бегали, и играли, и даже спали вместе. Когда я приносил их в избу, то кошка их подпускала к своей еде, и они ели вместе. Когда кролики видели нашу кошку, то бежали за ней, она убегала от них, затем останавливалась, подпускала кроликов, прыгала через них, и начиналась игра. Кролики старались схватить кошку, но она не давалась. Когда уставали, ложились в кучу и отдыхали. Наша собака Каштан не только не трогала кроликов, но и других собак к ним не подпускала. Собака и кошка наши очень дружили. Часто в морозную ночь Каштан лежал на сене, а на нем, свернувшись в клубок, лежала Мурка.

Письмо Бомы Лурье

Москва

Играть в индейцев — неплохо. Можно и «Соколиный глаз» вспомнить и самодельный томагабк сделать, а научиться в следах разбираться — совсем интересно. Даже перья на голову можно прикрепить — тоже ничего страшного нет. Играть—так играть!

Но превращаться на самом деле в дикаря—это уж никуда не годится. А эти два мальчика как раз хотели сделаться настоящими дикарями. Собрались удрать в Америку, а, небось, хорошенько и не знают, где Америка находится.

— Давай, сделаемся с тобою индейцами!

— Какими индейцами?

— Да вот как у Купера. Я буду «Соколиным глазом», а ты «Следопытом», с перьями.

— Ну что ж! Давай!

Этот разговор двух пионеров я случайно услышал на одном из московских дворов. Я заинтересовался и стал наблюдать за ними. Ребята устроили у себя в подвале вигвам, жгли костры и вели разговоры о далеких странах. Вид у них был очень воинственный, были у них томагавки — маленькие топорики, кухонный нож и всевозможные перья, не исключая и куриных.

Ребята часто пропускали уроки, на уроках писали друг другу записки и плохо учились. Один раз по улице проходил какой-то гражданин и заметил, что в подвале горит огонь. Он зашел в домоуправление и сказал об этом. «Индейцев» вывели из подвала и подвал заперли. Тогда «индейцы» переселились на

Сели бы такие индейцы на поезд со своими томагавками и с перьями на головах— кондуктор вытаращил бы на них глаза и спросил бы: — Вам куда?

— В Америку!

Вот бы все в вагоне расхохотались!

Гораздо лучше, если бы эти ребята по-настоящему готовились к путешествиям. Только это совсем не просто: надо очень многое знать, надо научиться пользоваться и картой и компасом, научиться помногу ходить. Вот тогда можно будет отправиться в путешествие. Да и то для первого раза куда-нибудь поближе по своему району, а уж в Америку или в Арктику—лет так через десять.

чердак и там устроили шалаш из тряпья. Где-то они раздобыли немного денег и, оставив родителям записки, пешком ушли из Москвы. Когда стало смеркаться, они были уже в 12 километрах от Москвы. «Следопыту» стало вдруг страшно: кругом лес, и он стал проситься домой. «Соколиный глаз» уговаривал его: индейцы ничего не боятся, но скоро и сам оробел. «Индейцы» повернули на станцию, сели на поезд и вернулись в Москву поздно ночью. Родителей дома не было. «Индейцы» легли спать. Так окончилось их путешествие.

Сейчас они учатся в 6-м классе, учатся удовлетворительно и пионеры неплохие, только не любят, когда им про индейцев напоминают.

Письмо Юры Золотова

Москва

Юра Золотов собирает открытки с картин знаменитых художников — это хорошо и интересно. А еще интереснее, если бы он не только собирал открытки, но старался узнавать о художниках, написавших эти картины, о том, как и когда они жили и как работали. Узнать это можно из книг.

Вот многих ребят интересует собирание марок, коробок, значков, а я собираю открытки с картин Третьяковской галлереи.

Начал я собирать лет пять назад и до сегодняшнего дня собираю. Помню: самая первая открытка, какую я достал, была с картины художника Левитана «У омута». Пришел я ее покупать в магазин на ул. Горького, подошел к прилавку и спросил у высоченного дядьки, продававшего открытки:

— Дядя, открытка сколько стоит?

— Которая?

— Вот эта.

— Восемь копеек.

Я отсчитал ему деньги и, довольный тем, что купил открытку, пошел домой.

После этого я уехал в деревню, но и там я часто бегал в ближнее село Абольяново и покупал в лавке открытки. Деньги мне давал дед мой на конфеты. Я их копил и тратил на открытки.

Один раз я увидел у товарища «Утро в сосновом лесу» Шишкина. Я подошел к нему и спросил:

— Васька, где ты такую открытку достал?

— Тятька привез из уезда. Возьми. У меня ее все равно Маруська изорвет.

Так я собрал за три года сто открыток. Потом переехал в Москву и вечерами, после занятий в школе, садился к лампочке и перебирал открытки. Я сложил их в пачки и перевязал. В одной пачке у меня были открытки Левитана, в другой — Шишкина.

Сейчас у меня 258 открыток. Ребята! Я советую вам собирать открытки и уверен, что это вас заинтересует.

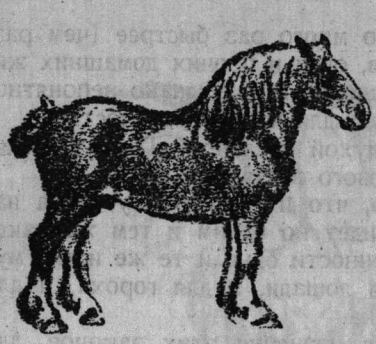
Письмо Коли Киселева

Москва

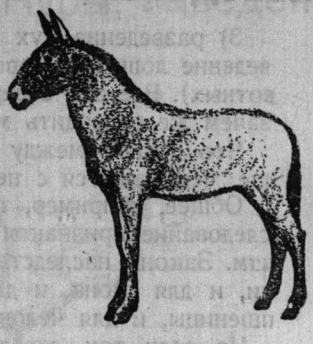
Красный уголок, о котором пишет Коля Киселев, — очень хорошая затея. Многие ребята устраивают сейчас такие уголки.

Ребята, пишите нам, у кого самодельный красный уголок еще интересней чем этот.

В нашем доме много ребят. Когда было тепло и сухо, мы все вместе играли в футбол во дворе. Но однажды утром я увидел, что крыша соседнего дома блестит. Шел дождь. На дворе было грязно. Ребята от скуки бросали с крыльца в лужу камни, и я присоединился к ним. Вдруг один мальчик предложил: «Давайте организуем какой-нибудь уголок». Мы согласились, решили устроить уголок в сарае Михеева. В сарае было столько грязи и всякого хлама! Мы вычистили его, подмели. Притащили доски, хотели сделать стол и скамейку, но у нас не было инструментов. Все-таки мы сделали их в комнате труда в школе. У стены поставили скамейку и рядом стол со сломанной ножкой, которую дала нам мать Михеева. Есть у нас и знамя, которое мы достали вот каким образом: когда праздновали 1 Мая, после демонстрации рабочие несли к себе на завод макеты, лозунги и флаги. Наши ребята попросили у одного мужчины флаг, и он отдал. На флаге мы сделали надпись, и с тех пор он стал у нас называться знаменем. В уголке у нас уютно. Каждый день наши ребята собираются в уголке: поют песни и обсуждают прочитанные книжки.

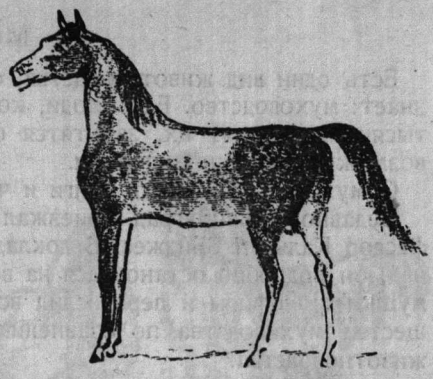


Битюг.



Мул.

Шотландский пони.



Арабский скакун.

РАСТЕНИЯ И ЖИВОТНЫЕ

Очерк М. Ильина

Рисунки В. Губина

О СЛИВЕ БЕЗ КОСТОЧКИ И О БЕЛОЙ ЕЖЕВИКЕ

Есть у меня приятель. Он любит мечтать. Ест сливу и мечтает: если бы в сливе не было косточки, а зерно лежало бы прямо в мякоти, не надо было бы разгрызать, зубы портить. Да если бы еще зерно было миндальное, вот было бы хорошо!

Ходит по саду и думает: красивый цветок лилия. Вот если бы лилии пахли фиалками, чудный был бы цветок.

Гуляет по ленинградским улицам и думает: если бы у нас, в Ленинграде, рос виноград, был бы у нас тогда не Ленинград, а настоящая Италия.

Вот какие мечты у моего приятеля. Несбыточные мечты? Нет, не такие уж несбыточные.

Слива без косточки уже есть. Ее вывел американский садовод Бербанк. Виноград, который не боится заморозков, лилия, которая пахнет фиалкой, яблоки, весом в килограмм — тоже есть. Их вывел гениальный садовод Мичурин.

Бербанк и Мичурин создали еще много других удивительных растений.

Бербанк вывел «плэмкот» — помесь сливы и персика, съедобный кактус без колючек, ежевику с огромными, белыми как снег ягодами, ореховое дерево «парадокс», которое в четырнадцать лет выросло на десятки метров в высоту и переросло столетние деревья.

Мичурин вывел грушу, которая дает в год три урожая, ягоду актинидию, которая пахнет ананасом и слаще конфеты, жасмин, который пахнет земляникой, смородину, у которой такой яркий сок, что им можно пользоваться как краской.

Люди создают все новые и новые растения.

Как же это им удается?

„СОТВОРЕНИЕ“ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ

Сливу без косточки Бербанк получил так. Выписал он из Франции дикую сливу, у которой не было косточки, и скрестил ее с американской. От французской сливы и от американской пошли дети, от детей — внуки. Некоторые из них от американского дедушки унаследовали величину и вкус, а от французской бабушки — отсутствие косточки. Получилась большая и вкусная слива, в которой зерно лежало прямо в мякоти, без костяного футляра.

Таким же способом—скрещиванием и отбором—выведены все те породы культурных растений и животных, которые у нас есть.

Оттого-то так много на земле разных сортов пшениц, ячменей, груш, яблок, разных пород коров, собак, лошадей.

Одних только собак сотни пород. Есть собака-карлик, которую можно положить в карман, и собака-великан, ростом чуть ли не с лошадь.

А сколько пород лошадей, овец, коров! Все они выведены из когда-то существовавших диких пород.

В природе виды растений и животных создавались в течение сотен миллионов лет. Люди ускорили «сотворение» новых видов, в несколько тысячелетий создали они все разнообразие своих домашних животных и растений.

И чем дальше, тем быстрее и быстрее идет эта работа. Сейчас в десятках лабораторий и на сотнях опытных станций ученые изучают законы наследственности.

На всякие лады скрещивают всевозможные породы растений и животных и тщательно отмечают их признаки. В течение многих лет ведут родословные книги какого-нибудь знатного лошадиного рода. С огромным вниманием и интересом изучают родословное дерево—родословную таблицу — гороха или сельдерея, как будто это не горох и не сельдерей, а какой-нибудь королевский род.

Ну и что же, выяснили что-нибудь ученые?

Кое-что они уже выяснили. Но еще много нужно наблюдений и опытов, чтобы до конца разобраться в законах наследственности, чтобы понять, наконец, простую вещь: почему дети похожи на родителей, внуки—на бабушек и дедушек, племянники—на дядей и теток.

И тут главная трудность вот в чем: для изучения законов наследственности нужно очень много времени.

Чтобы вывести три поколения пшениц, нужно три года. Чтобы вывести три поколения лошадей, нужно девять, а то и двенадцать лет.

Как тут быть, как ускорить работу науки?

РЕЧЬ О МУХОВОДСТВЕ

Есть один вид животноводства, о котором мало кто знает: муховодство. Есть люди, которые разводят мух тысячами, кормят их, заботятся о них. Выводят всевозможные мушиные породы.

О муховодстве пишут книги и читают лекции.

Недавно в Ленинград приезжал американский профессор Кальвин Бриджес. В докладе, который он прочел, он подробно остановился на вопросе о разведении мушки-дрозофилы и перечислил все выгоды и преимущества муховодства по сравнению с другими видами животноводства.

Первое преимущество. Муха-дрозофила очень мала. На килограмм приходится около миллиона мух. Значит, для стада требуется совсем мало места. Тысячи «голов скота» можно поместить в одной коробке.

— Не нужно полей, не нужно скотных дворов,— заявил Кальвин Бриджес.

Второе преимущество. Мушиное стадо очень легко прокормить. По словам профессора Бриджеса, «корм для нескольких сот мух в течение всей их жизни стоит несколько копеек».

Третье преимущество. Мушиное стадо растет гораздо быстрее, чем стадо коров или овец.

Каждая муха делается взрослой через десять дней после рождения, в двенадцать дней она уже бабушка, в тридцать—прабабушка, в сорок—пра-прабабушка.

Итак, совершенно несомненно, что

1) разведение мух во много раз дешевле,

2) разведение мух во много раз проще,

3) разведение мух во много раз быстрее (чем разведение лошадей, коров, овец и прочих домашних животных). Все это совершенно ясно. Однако непонятно: зачем же разводить мух, для какой надобности?

Что общего между мухой и слоном? Гораздо больше, чем кажется с первого взгляда.

Общее, например, то, что и у мухи и у слона наследование признаков идет по одним и тем же законам. Законы наследственности одни и те же и для мухи, и для слона, и для лошади, и для гороха, и для пшеницы, и для человека.

Но если так, то для изучения этих законов, для опытов и наблюдений самое подходящее существо—мушка-дрозофила.

Чтобы вывести десяток поколений лошадей, нужно тридцать лет. А сколько времени нужно, чтобы вывести десять поколений мушек? Всего только три с лишним месяца.

Значит, если взять для наблюдений мушку-дрозофилу, можно ускорить работу науки во много раз.

Вот для этого-то и разводят мушку-дрозофилу в научных лабораториях, в том числе и у нас, в Ленинграде, в Институте генетики.

Скрещиванием и отбором выведены тысячи мушиных пород.

Самым тщательным образом изучают ученые правила, которым подчиняется фамильное сходство в мушиных семьях.

Много интересного узнали они при этом.

Но еще больше интересного узнали они, изучая не правила, а исключения из правил.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ УРОДАХ

В XVIII веке был такой случай. В стаде одного американского фермера появился вдруг барашек с короткими ножками. Таких коротких ног не было ни у его отца, ни у его матери, ни у кого из его близких или дальних родственников.

Барашек не мог перепрыгнуть даже через самую низкую изгородь. По бараньим понятиям это было, конечно, большим недостатком и даже уродством. Но фермеры этому уродству обрадовались. Ведь такой барашек далеко от стада не убежит. От «уродливого» барана вывели новую породу овец-«коротконожек» — анконскую породу.

Что же тут произошло?

Природа вдруг отступила от всяких правил наследственности и создала исключение. Люди воспользовались этим исключением в своих выгодах.

Такие случаи наблюдались до сих пор нечасто. Но когда начали изучать мушку-дрозофилу, то оказалось, что в мушиной семье то и дело появляются уроды, непохожие ни на кого из предков.

Например у мухи с темнокрасными глазами появились вдруг дети с белыми глазами. От них пошла новая раса белоглазых мух.

«В семье не без урода»,—говорит пословица. Но ни в одной семье уроды не появляются так часто, как в семье мухи-дрозофилы.

Очень часто случается, что муха-урод нежизнеспособна, и она погибает.

Но бывает и другое: урод выживает и делается родоначальницей целого племени уродов.

Так оно и происходит в природе: то действует правило, то исключение из правила. Наследственность и изменчивость работают рука об руку.

Нельзя ли нам как-нибудь вмешаться в это дело, заставить природу почаще создавать новые признаки?

Среди новых признаков могут быть полезные для нас. Вдруг, например, появится лошадь-гигант, вдвое больше обыкновенной. Или корова-гигант, которая будет давать бочку молока в сутки.

ПЕРЕСТРОЙКА ЖИВОТНОЙ КЛЕТКИ

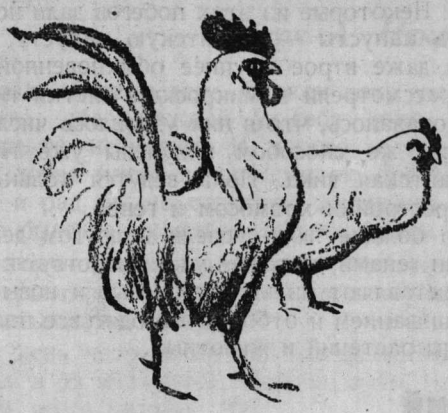
Американский ученый Меллер, который работает теперь у нас в Институте генетики, попробовал освещать мушку-дрозофилу рентгеновскими лучами. Рентгеновские лучи чуть ли не во сто раз увеличили частоту появления новых признаков. Ученые принялись из этих новых признаков и из старых составлять всевозможные сочетания, создавать все новые и новые мушиные породы.

Научились менять на всякие лады цвет глаз, форму тела, длину крыльев, даже продолжительность жизни.

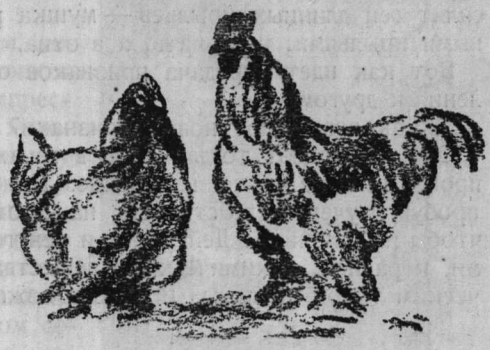
Вывели породу, которая живет тридцать дней вместо шестидесяти. Вывели гигантскую муху, которая вдвое больше обыкновенной.

Научились управлять числом сыновей и дочерей в каждой мушиной семье: получали как по заказу семьи, в которых было по триста сыновей и ни одной дочери, и, наоборот, семьи, в которых были сплошь дочери и ни одного сына.

Куры, выведенные человеком



Леггорн.



Кохинхины

Английский петух.

Гудан.

Японский бентам.

Японский петух „Иокогама".

Испанский петух.

Немецкий петух.

Голландский петух

Испанский бойцовый петух.

Польский петух.

Флешский петух.

Брабантский петух.

Одним словом, научились управлять возникновением и передачей признаков. Но самое главное было то, что эти опыты, да и многие другие помогли лучше разобраться в законах наследственности и изменчивости.

Ученым удалось заглянуть внутрь живой клетки и найти то, в чем заключены наследственные признаки.

В каждой клетке есть несколько крошечных трубочек—хромосом. Внутри хромосомы лежит свернутая спиралью как пружинка, цепь зернышек — «генов». От этих-то генов и зависят признаки, которые передаются по наследству.

У мушки-дрозофилы, например, восемь хромосом. В этих хромосомах около 4000 генов. Смотря по тому, какие у мушки гены, и она сама будет той или другой породы. Есть ген красных глаз и ген белых глаз, ген черного тела и ген желтого тела, ген загнутых крыльев, ген безглазости, ген бескрылости и т. д.

Ученым удалось даже нарисовать карты, на которых видно, где именно находится в хромосомах тот или другой ген.

Каждая мушка получает половину своих генов от матери и половину от отца. Если и от отца и от ма-

тери мушка получила по гену длинных крыльев, у нее обязательно будут длинные крылья.

А что будет, если от отца муха получила ген длинных крыльев, а от матери ген коротких крыльев? Тогда все дело будет в том, какой ген пересилит. Пересилит ген длинных крыльев — мушка родится с длинными крыльями: не в мать, а в отца.

Вот как идет передача признаков от одного поколения к другому.

А как возникают новые признаки?

Они возникают тогда, когда в генах и хромосомах происходит какое-то изменение. Всякими способами пробуют ученые действовать на хромосомы и гены, чтобы их изменить. Действуют и рентгеновскими лучами, и радием, и химическими веществами, и электрическим током, а иногда и просто ножом.

Советские ученые Карнеченко и Шавинская взяли молодую капусту и подвергли ее хирургической операции: срезали верхушку стебля. На месте среза выросли побеги. Некоторые из этих побегов дали новую разновидность капусты — гигантскую капусту, которая вдвое или даже втрое крупнее обыкновенной.

Когда рассмотрели в микроскоп клетки гигантской капусты, оказалось, что в них удвоилось число хромосом. Таким же способом получены уже гигантский овес, гигантская вика. Пока ведутся только первые опыты перестройки хромосом и генов.

Гораздо больше люди успели в другом деле: пользуясь теми генами, которые уже существуют в природе, они составляют из них все новые и новые сочетания, скрещиванием и отбором выводят все новые и новые породы растений и животных.

ФАБРИКИ РАСТЕНИЙ

У нас уже есть настоящие фабрики растений, ремонтные мастерские для растений, бюро проектирования растений. Если нужно «починить» сорт, его отправляют на опытную станцию—в ремонтную мастерскую. Там его скрещивают с сортом-улучшителем из той коллекции, которую собрали экспедиции во всем мире.

Из мировой коллекции составлены наборы таких сортов-улучшителей.

Каждый инженер, работающий на фабрике растений, может выписать себе набор сортов, набор генов, как заводской инженер выписывает для завода детали.

Составлен точный список всех ценных признаков, всех ценных генов. Как в адресном столе, узнают адрес любого признака.

Пшеница с круглым стекловидным зерном. Адрес — Индия.

Пшеница ранняя, хорошо справляющаяся с засухой. Адрес — Афганистан.

По адресу можно найти любой признак, любой сорт-улучшитель.

Растение создают по плану, по проекту, как дом или завод. Вот, например, работники Всесоюзного института растениеводства поставили себе задачу — построить урожайную, скороспелую яровую пшеницу для севера. Из огромного материала мировой коллекции взяли те признаки, которые были нужны, и собрали пшеницу из признаков. Одни признаки взяли у снежной пшеницы, другие — у сибирской, третьи — у галицийской, четвертые — у индийской.

Новую пшеницу (ее так и назвали «новинкой») надо было испытать. Посеяли ее под 62 градусом северной широты. Пшеница испытание выдержала, за короткое северное лето успела дать большой урожай, крупное зерно. Но один у нее было недостаток: она получилась непрочная, осыпающаяся. Надо было ее сделать прочнее.

На помощь опять пришло скрещивание. «Новинку» скрестили с скандинавскими пшеницами. Получилось как раз то, что надо.

При помощи перестройки хромосом ученым удалось скрестить рожь с пшеницей, пшеницу с пыреем, редьку с капустой, капусту с горчицей. Уже есть растение, которое ведет свой род и от редьки, и от горчицы, и от капусты. Есть растение, у которого один дед — рапс, другой дед — редька, одна бабушка — капуста, другая бабушка — репа.

Не всегда эти растения удаются.

Много еще надо работать, чтобы создать по своей воле как раз то, что нужно. Но к этому уже идет.

ЖИВАЯ СТРОЙКА

Нам предстоит труднейшая задача — обновить поля во всей нашей стране. Нам нужно продвинуть сотни растений на север, чтобы дать овощи рабочим заполярных заводов, рудников, гаваней. Нам нужно продвинуть сотни растений в пустыню. Нам нужно правильно, равномерно распределить земледелие по всей стране.

Вот тут-то и понадобятся нам новые сорта, новые породы растений. Для севера нужны будут растения, которые не боятся холода. Для юговостока нужны будут растения, которые не боятся жары, засухи.

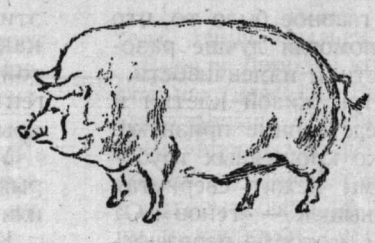
Для каждой почвы, для каждого климата нужно будет подобрать или построить растение.

Во всей нашей стране идет стройка из железа, кирпича, бетона. Нужна и другая стройка — из материала, который живет и растет, — из живых клеток.

И эта стройка уже идет на сотнях полей, по всей стране, от западной границы до Тихого океана. Со всех концов мира свозят живой материал для стройки. Изучают этот материал в лабораториях, на опытных участках. Составляют проекты растений для каждого климата, для каждой почвы. По этим проектам ведут стройку растений.

И вся эта огромная работа делается по плану. Армией станций, лабораторий, институтов командует ВИР — Всесоюзный институт растениеводства.

Свинья Бабируса.



Гарисонова свинья.

Карликовая японская свинья.

ИНЖЕНЕР КУХНИ

Очерк А. Некрасова

Не повезло нашему делу. Спокон веку уж так повелось, что обед каждый у себя дома стряпает. И стряпать-то не умеют. И дорого выходит, и невкусно, и добра много зря пропадает. Другой все это понимает и рад бы не стряпать, да ничего не поделаешь. Не было таких фабрик, чтобы обеды делать.

Были, конечно, и раньше разные там столовые, рестораны, трактиры. Я сам в ресторане мальчиком служил, подзатыльники собирал.

Там за день человек по 500 кормили. Было у нас 19 поваров и 35 мальчиков. Еще, конечно, официанты, судомойки, всего человек 100.

Бывало, в кухню придешь, прямо ад кромешный: грязь, крик, жара, духота. От сковородок чад идет. Поставят тебя кур щипать, с них блохи прыгают. А еще хуже тесто месить. Месишь, месишь его, проклятое, весь потом изойдешь, да еще как волк проголодаешься. Нам тогда жалованья рубль в месяц полагалось, а есть — что украдешь. Вот если картошку жарить поставят, это еще туда-сюда, а тесто сырое — его много не наешь. Или вот рыбу чистить — исколешься, рыбой весь пропахнешь и опять же голодный. Только словчишь какой кусок, тебя повар по затылку «учит»: — Не воруй, положь обратно.

Вот как нам наука доставалась. Да.

Потом сам стал поваром. Тут уж голодать не приходилось, самый румяный кусочек себе. Ну, а тоже не сладко. С 9 утра до 3 часов ночи все на ногах да у горячей плиты. Там щи убегают, там поросенок подгорел, тут дрожжи плохие попались: тесто не подходит. У нас кухня небольшая была, тесная, а за день так набегаешься, что и домой идти не хочется. Ляжешь тут же, у плиты, другой раз и колпак забудешь снять. Вот как.

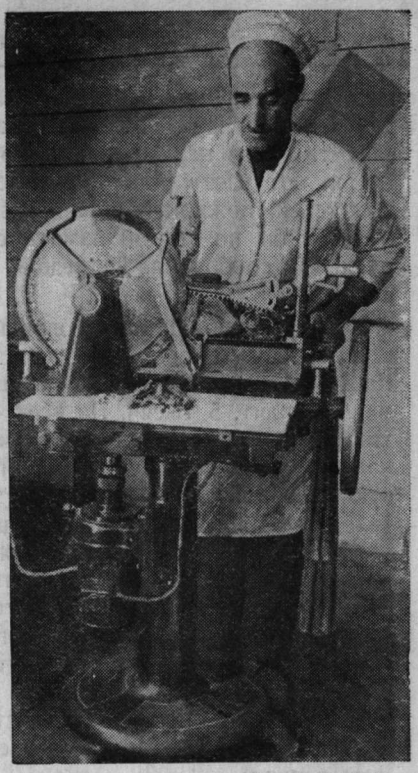
Ну, а все-таки и это не фабрика. На фабриках машины работают. А мы тогда все равно, как кухарки, на кухне крутились, только обед наш вдвое дороже домашнего выходил.

Так и считалось, что повар — та же кухарка в колпаке. Да я и сам, признаться, так думал: вот какую-нибудь булавку несчастную, и ту не всякий сделает. Нож поточить, и то специальность нужна. А обед, кому ни дай,— плохо-бедно, а состряпает, было бы из чего. И прямо скажу: обидно мне было.

Ну, а теперь мне обижаться не на что. Не повар я теперь, а начальник цеха, вроде инженера. Только другие инженеры в своих цехах в синей спецовке ходят, а я в свой цех иду — белую надеваю. Зато у меня и чистота в цехе. Не то что с папиросой, об этом и говорить нечего, я с грязными руками никого в свой цех не пущу.

А цех у меня — не простой цех, а фабрика-кухня. Ну, только на кухню мало похожа. Издали посмотреть — вроде вокзала, а войдешь — и не узнаешь, куда попал. Особенно, если со служебного хода зайдешь. Вниз по лестнице спустишься — там кочегарка, компрессорная, трансформаторная. Кочегары лопатами гремят, компрессор пыхтит, что твой паровоз, на трансформаторной, на двери, «Не трогать — смертельно» написано.

Вот тебе и кухня. А все нужно. В кочегарке пар вырабатывается. Пар у нас для разного употребления идет. Допустим, тарелки мыть — паром, обварить что-нибудь — паром, кашу сварить — опять же паром. А компрессор — это для холодильников. Запасы у нас большие, так вот, чтобы не портились, приходится холод вырабатывать. Газ такой есть — аммиак. Его компрессором сожмут так, что он жидким станет. Потом в трубы выпустят, он опять в газ превращается. Вроде как бы кипит. Для кипения теплота нужна — вот он теплоту в себя и забирает. Как промокашка кляксу, так и впитывает.



Автомат для резки мяса.

А трансформаторы — это по части электричества. И для под'емников, и для вентиляторов, и для конвейеров — электричество всюду нужно. Да вот опять же грязные тарелки взять—тоже электричеством возим. Тележка такая есть, вроде как на вокзале для багажа.

Тут же, внизу, в отдельных помещениях, различные продукты первичную обработку проходят. В одном, например, картошку чистят. Там гром стоит, вода брыжжет, по жолобам картошка ползет. По одному жолобу — грязная, как есть с землей, с кожей, а по другому — готовая, чистая, вымытая. И прямо в под'емник, а там ручку перевел — и пожалуйте наверх.

А наверху совсем другое дело. Пол кафельный, стены белые. Если какое пятнышко — за километр видно. Наверх продукты уже чистые попадают.

И опять для каждого дела—свое помещение. Тут, допустим, котлетный цех, тут гарниры составляют, а тут супы заготавливают. Снизу под'емники продукты подают, а из цехов их на тележке в главный зал везут, туда, где у нас все жарится, варится.

По левую руку плиты стоят — на плиты совсем не походят: так, ящики черные. А по правую—в ряд автоклавы. Котлы — не котлы, барабаны — не барабаны, скорей всего на динамомашины похожи. Я недавно на Днепрострое с экскурсией был, как в машинный зал пришли, думаю: знакомое дело. Только динамо, конечно, побольше. А у нас автоклавы маленькие, ведер на сто каждый. Суп в них варим, кашу, овощи. А кастрюль да сковородок — этого у нас нет. На сковородке много ли нажаришь? Ну, на 25 человек — и то много.

А теперь я не 25 человек в день кормлю, а как раз 25 тысяч.

25 тысяч накормить — это вам не шутка! Одной картошки вагон в день надо переработать. А на одной картошке тоже далеко не уедешь, сами понимаете. Тому подай мясо, другому — рыбы, третьему рябчиков хочется, четвертому — пирог с грибами.

Сейчас у меня на фабрике больше тысячи ребят из нашей ФЗС столуются. Им вынь да положь кисель и

компот. А вот суп они не уважают. А я знаю: без супа им вредно, желудки испортятся. Пришлось производственное совещание созывать, специальные супы для ребят придумывать — сладкие, молочные. Теперь едят так, что пар идет, только ложки сверкают.

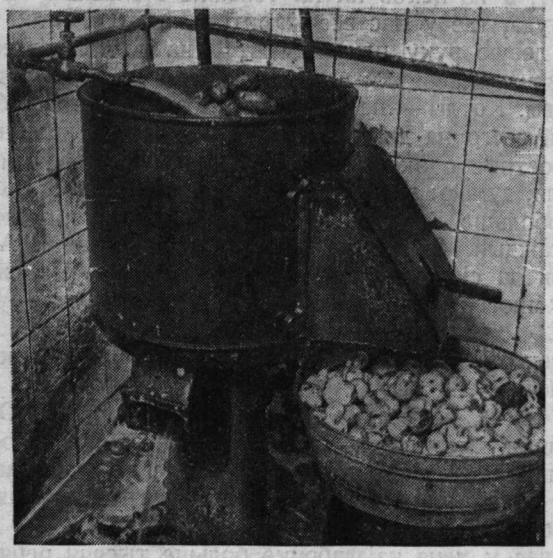
Или вот взять рабочих из горячих цехов. Им обед повкусней, пожирней нужен. Если бы один такой был, ну стал бы по старой памяти сам к плите, такой бы обед ему сообразил. Да ведь я же говорю: у меня их 25 тысяч.

Вот тут и приходится головой поворочать. Придешь вечером домой, возьмешь карандаш и придумываешь. На склад, допустим, вчера цыплят привезли, но только мало цыплят, 5 тысяч. На всех не хватит, как ни верти. Ну, мы их поджарим, подрумяним, гарничек к ним какой-нибудь полегче пустим и в диетическую столовую, для больных. Как раз на два дня хватит. Подряд два дня цыплята—опять не годится, значит, половину в запас, в холодильник. А ножки, головки, пупочки, крылышки — это у всех цыплят завтра же пооберем, такой рассольник наварим, что пальчики оближешь. Вот один суп есть. Другой—сегодняшние щи остались. Они завтра еще вкуснее станут. Теперь мясо для пирогов надо варить, так туда же мозговых костей, луку, перчику, лаврового листа — вот тебе бульон. Заправить его картошкой, кореньями — еще суп. Значит, первое:

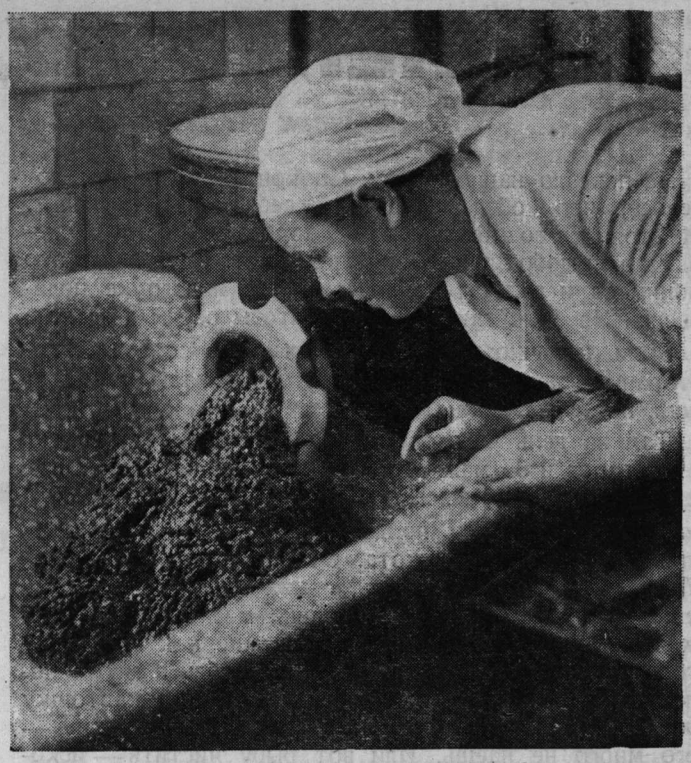
1. Рассольник.
2. Щи суточные.
3. Бульон с гренками.
4. Суп крестьянский.

Теперь второе надо придумывать. Ну, мясо, баранина, свинина, каша, картошка, капуста. Это все есть. Но только взять ту же отбивную котлету, ее на холодную тарелку брось голышом, она вида никакого не имеет. У нас такое дело, что мало приготовить, надо еще суметь подать. Не хочет человек,—чтобы захотел. А не может, — чтоб через «немогу» ел. Значит, обваляй ее первым делом в сухарях, чуть-чуть разноцветного гарниру подкинь, один листок салату сверху брось, четверть огурчика, тарелку подогрей да позаботься, чтоб горчица на столе была, вот твоя отбивная уже и по-другому глядит, сама в рот просится.

И так каждое блюдо. А за день мы другой раз двести разных блюд пропускаем. Завтраки, обеды, закуски, ужины — все нужно.



Чистка картофеля машиной.



Механическая мясорубка.

Вот так другой раз подумаешь, и страшно становится. Еслиб по-старинке, мне бы теперь тысячу поваров нужно было да две тысячи мальчиков. А у меня поваров акурат, как в том ресторане, 20 человек, а мальчиков совсем нет. Есть, правда, ученики — практиканты из кулинарного техникума, но это другое дело. Ну, конечно, и рабочие есть, и монтеры, и механики, совсем как на настоящей фабрике. Да она и есть настоящая — наша фабрика. У нас что ни возьми, все машиной делают.

Картошку машиной чистят, и машина-то не хитрая, просто вроде ведра, а внутри на нем пупырышки как на напильнике. Навалят туда картошки, нальют воды, запустят мотор — и пойдет ведро крутиться. Картошка в нем кувыркается, перекатывается, о стенку трется, и так-то чисто с нее шкурка слезет, что любо-дорого. И морковь, и свеклу тоже так чистим. И рыбу почти так же, только пупырышки другие, пошире и не такие острые. Или вот мясорубка — эта машина и на старой кухне всегда бывала. Только наша мясорубка на ту совсем непохожа. Стоит такой круглый стол чугунный в метр шириной, а посредине в столе дырка. Под столом колонна, в ней винт запрятан. Он крутится, мясо тянет и на ножи толкает. Как запустим эту мясорубку, из нее мясо, как из пожарной кишки бьет. За день в ней двух быков можно провернуть. Режем тоже все машинами. Взять, скажем, мясо. Положат его на ленту, лента бежит и вперед мясо подает. А сбоку круглый нож подскочит, звякнет и—опять в сторону. Побыстрее ленту пустишь—потолще кусочки, помедленнее—потоньше, как угодно. И тесто машина месит. Моя любимая. Тоже ничего хитрого: квашня наподобие чашки, на 20 ведер рассчитана. Стоит она на колесах. Закатят эту квашню на платформу, закрепят, чтобы не укатилась, и запускают. Платформа вертится вместе с квашней, а сверху такая лопатка ходит, вроде руки. До самого дна достает. Чтобы не брызгала, еще козырек есть над рукой. Вот и все. Включил мотор — и поехала.

Мозговые кости, эти циркулярной пилой режем, все равно как дрова. А то есть у нас машина компотная. Скажем, яблоки или груши резать — это, конечно, просто, а вот если абрикосы или сливы попадутся? Хитрая машина. Сначала абрикос по жолобу катится в лунку, потом сверху такие ножички его пополам разрежут, а вслед за ножичками щипчики косточку схватят и наверх потянут. Тут, пока другой абрикос катится, косточку тем временем — «тюк»! Зернышко — в одну сторону, скорлупу — в другую. Эти зернышки у нас для пирожных идут.

И варим и жарим тоже не просто. Ну, жарим еще туда-сюда. Правда, что не на сковородках, а на противнях, на каждом по сто порций, но все-таки похоже. А вот варим совсем по-другому. Вместо кастрюли у нас автоклав. Он паром согревается, а варево в нем туго-натуго завинчивается крышкой. Под давлением мы воду можем в полтора раза горячее согреть чем в открытом котле, значит, и варится скорее и вываривается лучше. Опять же и подгореть ничего не может, огня под котлами нет. Если же такое надо варить, что мешать полагается, у нас котлы с автоматическими мешалками есть, так что по этой части все предусмотрено.

А повара у нас больше на докторов похожи. Один, например, вроде хирурга — мясо разделывает. Это, конечно, со стороны смотреть — пустое дело. Возьми нож поострее да и кромсай. Но, однако, не так. Взять, скажем, бифштекс. Его по волокну нарежешь, так и не прожуешь, а поперек — совсем другое дело. Теперь сообразить надо, чтобы на каждый кусочек чуть-чуть жиру пришлось, чтобы жила не попалась, чтобы на костях мясо не осталось и куда что распределить: этот кусочек на жаркое, этот — на пироги, этот — на суп, этот — на котлеты. Тут и сноровка, и привычка нужны, и глаз.

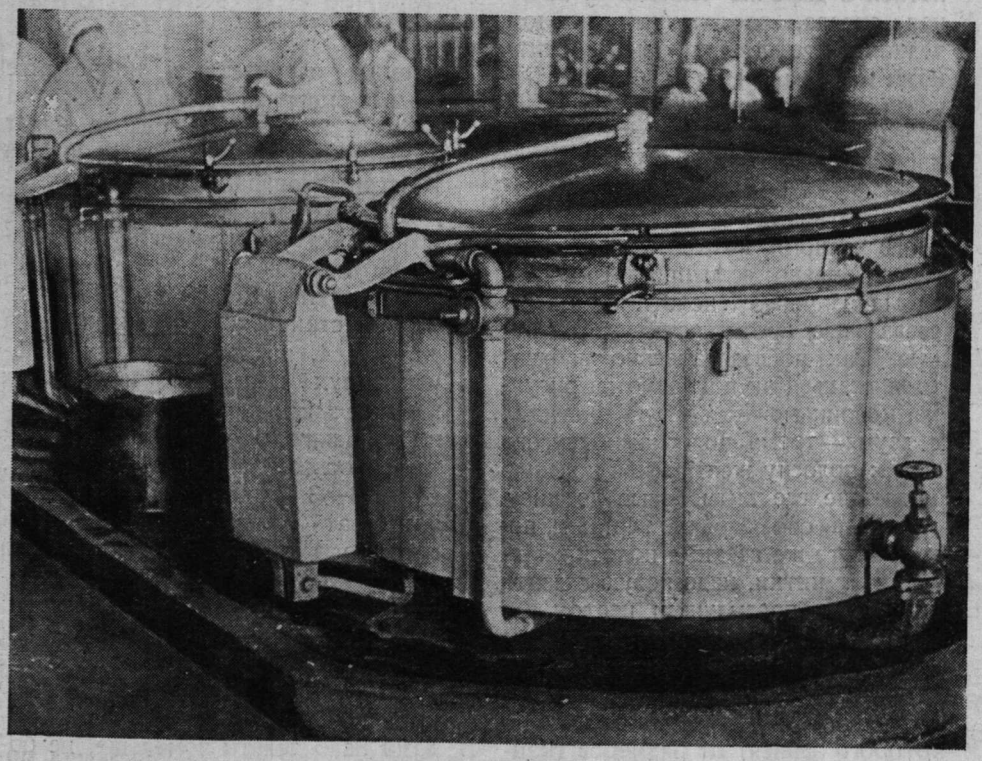
Так же и суп. Конечно, есть у нас рецепты — раскладки. Скажем, на 100 ведер мяса столько-то капусты, столько-то соли, луку, томата, перцу — все перечислено. И сколько чего и сколько часов варить — все сказано. Эти раскладки Институт питания составляет и по фабрикам-кухням рассылает. В основном каждый повар раскладки придерживается. И если точь-в-точь так сварить, как в раскладке написано, суп с'едобный получится. Но я так смотрю, что этого мало. Надо не только с'едобный, а вкусный сделать. А тут пока что никакой раскладкой не поможешь. Раскладка — это стандарт, а корова — она не по стандарту паслась. Одна бегать любила, а другая ленивая была, у них и мясо разное. И лук не по стандарту рос. Один злой вырос, посмотришь на него и расплачешься, а другой можно как яблоко есть. Картошка, и та разная бывает — одна послаще, другая попресней. У каждого продукта свой вкус, свой характер. И у повара свой.

Когда я еще учился, бывало, сваришь суп. Ну, суп как суп, а вот не хватает чего-то в нем. Души нет. Не годится. И вот начнешь колдовать. Того, другого прибавишь в ложку. Попробуешь — нет, все не то. Ищешь, ищешь, наконец, найдешь. Оказывается, все дело-то пустяк: два куска сахара надо было в кастрюлю бросить или там ложку горчицы. А как выучился, так теперь на продукты посмотрю и по одному виду знаю: из этой капусты щи пресные получатся, надо уксуса подбавлять...

И соусы, и кисели, и пироги — то же самое. На каждом деле специалист стоит, который свое дело до тонкости изучил, все искусство постиг. А искусство наше называется кулинарией. И до того это тонкое искусство — прямо об'яснить трудно. Вот есть у меня два супника: Смирнов и Севастьянов. Оба вместе учились и рядом работают. А вот дайте мне две тарелки щей, я вам скажу: эти Севастьянов варил, а эти — Смирнов. Ну, положим, оба вкусно делают, ничего сказать нельзя. Мастера.

Но, конечно, наука тоже вперед идет. Раскладки — рецепты эти самые — год от года все точнее составляются. Тут тоже и качество продуктов учитывается, и уже не в килограммах, а другой раз в граммах развеска идет. И когда-нибудь, наверное, такие машины сделают, что они без поваров сами будут стряпать. А пока что — рецепт он, конечно, рецептом, а все-таки, как какое блюдо готово, прежде чем на стол выпускать, мне как начальнику приходится на язык его попробовать. Потому что человек — не машина: другой раз и ошибиться может. Вот недавно у нас один повар вместо манной крупы в суп соли насыпал, и вышел не суп, а рассол, в рот взять нельзя. А выливать тоже жалко. Пришлось этот рассол задержать в котле, а на другой день вместо соли в другие котлы разливать. Так что ничего и не пропало. Да у нас и вообще-то ничего не пропадает. Очистки от картошки на крахмал идут — кисели варим. Кости вываримм — на утиль сдаем, перо от птицы — на подушки, об'едками свиней кормим. Рыбью чешую и то в дело пускаем. Промоем, вываримм и такое желе сготовим, что язык проглотишь.

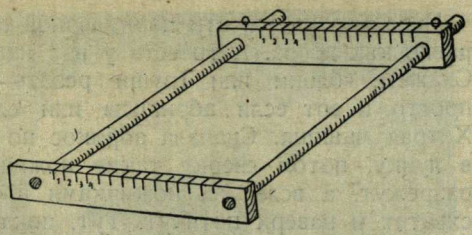
Да что там за глаза хвалить. Вы приходите, попробуйте, сами убедитесь.



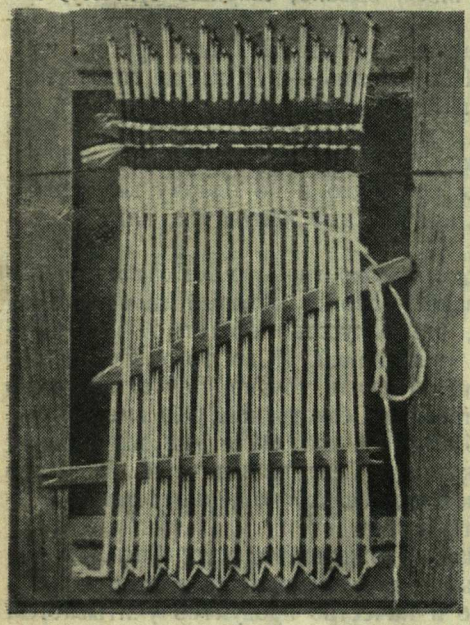
Автоклавы фабрики-кухни.

САМОДЕЛЬНЫЙ ТКАЦКИЙ СТАНОК

3. Челнок.



4. Разборный станочек.



1. Так надо ткать коврик.

Вы знаете, как ткут материю на ткацких станках? Натягивают в длину станка множество нитей, которые называются «основой». Четные концы этих нитей проходят через дырочки «берда» — рамки, расположенной поперек основы. Приподнимают бердо вверх, отчего четные нити поднимутся над нечетными и между ними проскакивает челнок с ниткой, которая называется «уток». Затем бердо с четными нитями опускается ниже нечетных, и челнок проскакивает с нитью утка назад. Так, раз за разом, при проскакивании челнока взад и вперед между опускающимися и поднимающимися нитями основы, ткется ткань на сложном ткацком станке.

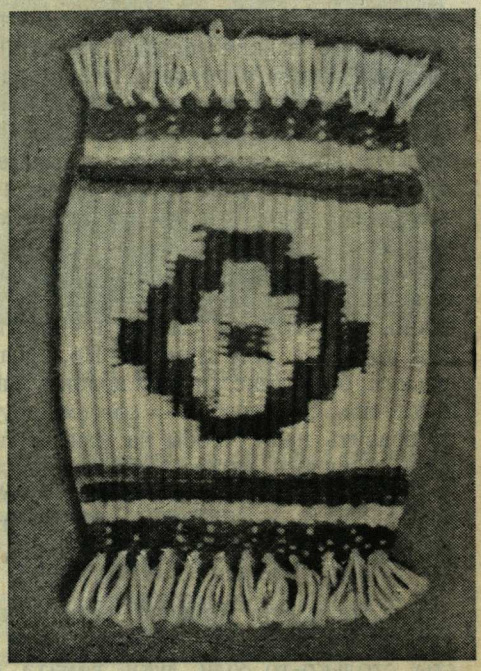
Но в наших деревнях ткут материю на простых, кустарных ткацких станках. Самый простой из таких станочков очень легко сделать самим и ткать иной раз красивые небольшие коврики, полоски или подстилки.

Наш станок состоит из деревянной рамы, которую делают по размерам (по длине и ширине) той ткани, которая будет производиться. На верхнем и нижнем концах набивают зигзагом, очень акуратно, на равных расстояниях друг от друга, гвоздики (см. рисунок I). По этим гвоздикам, как на рисунке, натягивается нитка—основа. Если нитка тонкая, то натягивают ее вдвойне.

Челнок делается из дерева длиной по ширине станка, шириной сантиметра 3—4 и толщиной 5 миллиметров, с заостренным концом и с дырочкой для нити утка на другом. Деревянный челнок должен быть тщательно зачищен стеклянной бумагой и отполирован, чтобы не цеплялся за нити. Затем надо приготовить такой же длины, как и челнок, дощечку.

Когда основа натянута, конец нитки утка укрепляют свободной петлей в дырочке челнока и, начиная справа, заостренным концом челнока протягивают между нитками основы через одну (на снимке челнок лежит, протянутый через одну нитку). Когда челнок прошел, нитку слегка натягивают и затем прижимают ее к предидущей нитке дощечкой. После этого челнок с ниткой протягивают слева направо; если при этом справа шли через нечетные нити, слева надо протягивать через четные. Так последовательно набивается ткань. Как показано на рисунке, коврик можно сделать цветным, с двумя—тремя полосками другого цвета: полоску желтую или красную и дальше все нити белые до низу, где снова, симметрично верхним, повторить те же цветные полоски. Меняя цвет нитки, надо новую связать узелком с предыдущим цветом.

Когда ткань готова, торчащие концы основы срезают с гвоздиков, связывают узелком парами, и получается небольшой коврик, размеры которого зависят от размеров ткацкого станочка. Научившись делать



2. Коврик готов.

коврики одноцветные, попробуйте сделать коврик, изображенный на рисунке 2. Узор в средине будет удобнее выткать не челноком, а толстой штопальной иглой, с которой надо обращаться, как с челноком, то есть, протягивать через одну нить основы.

Можно изготовить удобный разборный станочек, изображенный на рисунке 4, из двух круглых палочек, двух поперечин и четырех крепительных крючков. Поперечины пропиливаются для натягивания нашей основы через пропилы 1—1, 2—2, 3—3 и так далее. Тут легче натягивать нити и снимать затем готовую ткань. Наиболее удобный размер такого станочка получится, если длину круглых палочек взять в 30 сантиметров, поперечин в 26; челнок и подбивалка делаются так же, как и для предыдущего станка, а расстояния между пропилами надо делать поменьше, не более 5 миллиметров друг от друга.

Простые самоловы

В. Губин

Ребята!

Каждый из вас сможет сделать вот такие самоловы и наловить ими зверьков и птиц для школьных живых уголков.

Проследите, где водятся белки, и сделайте на дереве «распорку». Рис. 1.

Стоит белке тронуть приманку, как скрепляющие насторожки соскочат, и зверек будет зажат расщепами сука.

По этому же принципу сделайте переносную плашку — распорку. Рис. 2.

На заячьих тропах, примерно на 18—20 сантиметров над снегом, развесьте петли. Петли сделайте из волоса или проволочной струны. Диаметр петли—25—28 сантиметров. Рис. 3.

В железном ведре заморозьте воду так, чтобы получилась ледяная коробка с крышкой. Рис. 4.

Через пробитую в крышке дырку вылейте воду. Обогрев бока и дно ведра, ледянку осторожно выньте и закопайте в снег, оставив отверстие, в которое положите приманку. В такую ловушку можно поймать хорька, горностая или норку.

Ворону, сороку, галку или грача можно поймать еще проще.

Сверните из бумаги пакетик конусом. Положите в него кусочек хлеба, а края внутри намажьте чем-нибудь клейким. Поставьте эти ловушки отверстием кверху на снегу или на земле. Птица просунет голову за приманкой в пакет, пакет приклеится и закроет птицу по самую грудь как шапкой. Тогда уже подбегайте скорей и берите птицу голыми руками! Рис. 5.

А пойманных зверьков осторожно пересаживайте в приготовленные заранее клетки, иначе они могут вам больно искусать руки.

Рис. 1.

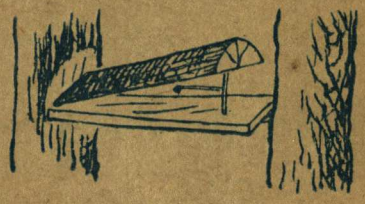


Рис. 2.

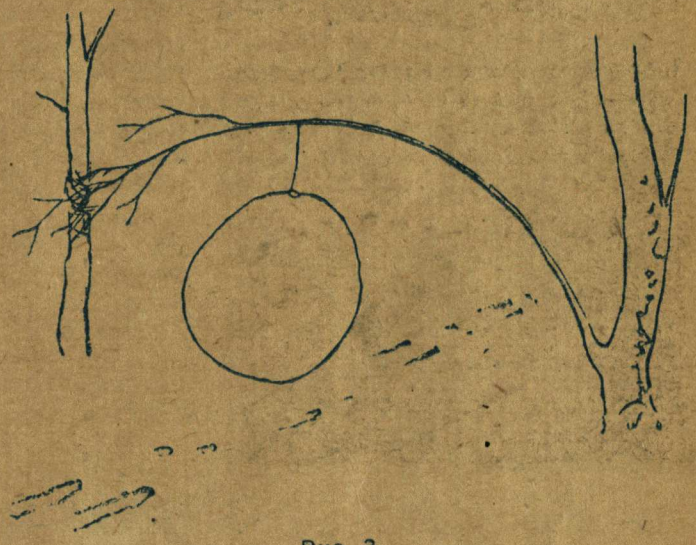


Рис. 3.

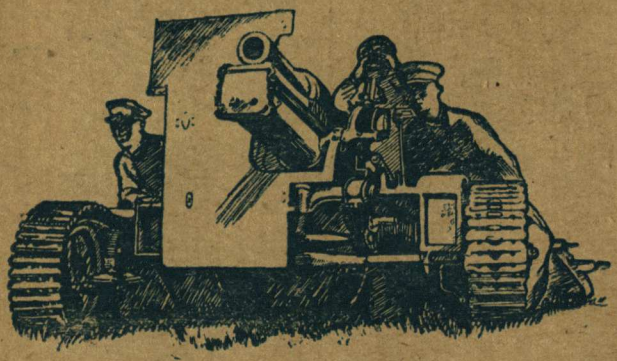
Рис. 4.

Рис. 5.

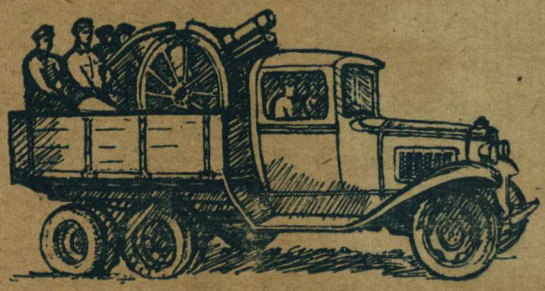
„ПОПРАВКА: В №1 журнала „ПИОНЕР", в письме Нины Мартынюк (стр. 15), ошибочно напечатано: „Ашхабад, Таджикская ССР" вместо „Ашхабад, Туркменская ССР". Кроме того на стр. 19 перепутаны подписи под фотографиями: подпись к фото „Сталинабад" относится к фото „Ашхабад" и наоборот.

Цена 30 коп.

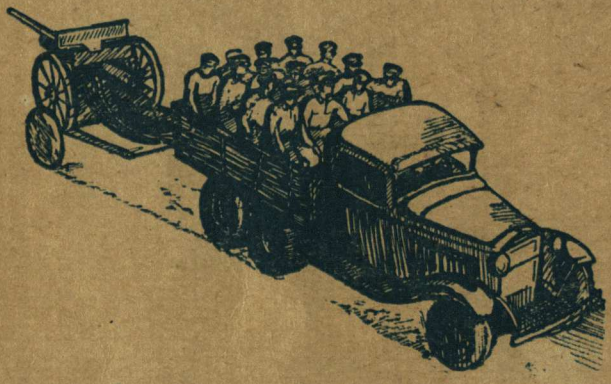
Как далеко стреляют пушки



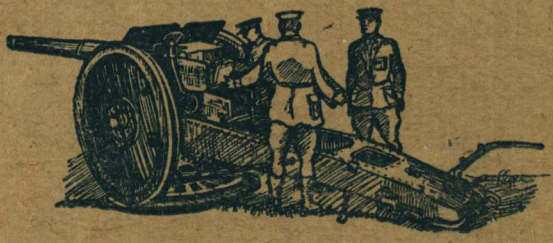
1. 94-миллиметровая английская полковая гаубица на гусеничном лафете (вместо колес—гусеницы для лучшей проходимости по любой местности). Действует всегда вместе с пехотой, стреляет на 6 километров снарядом весом в 3 килограмма.



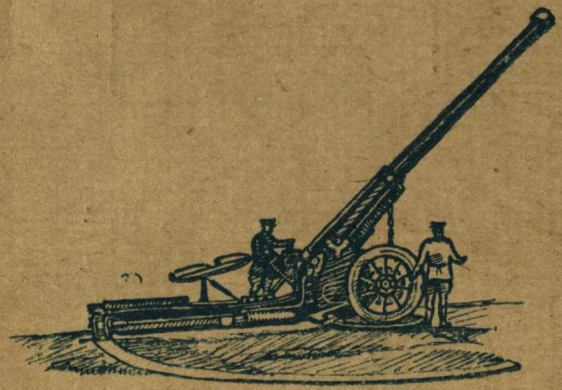
2. Наша 76-миллиметровая полковая пушка, погруженная для перевозки на грузовик. Стреляет снарядом в 6,5 килограмма на 7 километров. Вес пушки—около 740 килограммов.



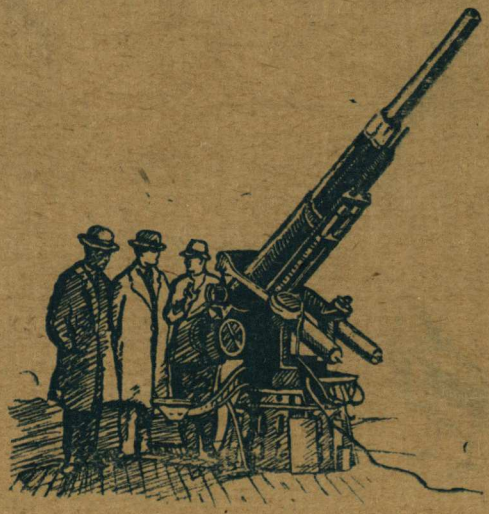
3. Наши 76-миллиметровые дивизионные пушки на подкатных тележках для перевозки за грузовиком. Пушки этого вида стреляют теперь на расстояние до 14 километров снарядом в 6,5 килограмма. Вес пушки—около 1 тонны.



4. 105-миллиметровая английская дивизионная гаубица на платформе, на которой можно быстро поворачивать гаубицу (до 360 градусов). Стреляет снарядом в 15 килограммов на 13 километров. Вес орудия—около 2 тонн.



5. 155-миллиметровая французская пушка большой мощности. Стреляет снарядом в 43 килограмма на 30 километров. Благодаря платформе под колесами и стальным дугам под сошником быстро поворачивается во все стороны.



6. 76-миллиметровая американская пушка (для стрельбы по самолетам), приспособленная для автоматического управления с помощью электрического тока. Стреляет вверх на высоту до 9 километров.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдано в набор 26/I—35 г., подписано к печати 13/III—35 г. Изд. № 179. Формат 62×94 см 1½ б. л. 135.009 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Б—1790. Типография газеты „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды" 8. Заказ № 226 Тираж 51000.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда" 1935 г.